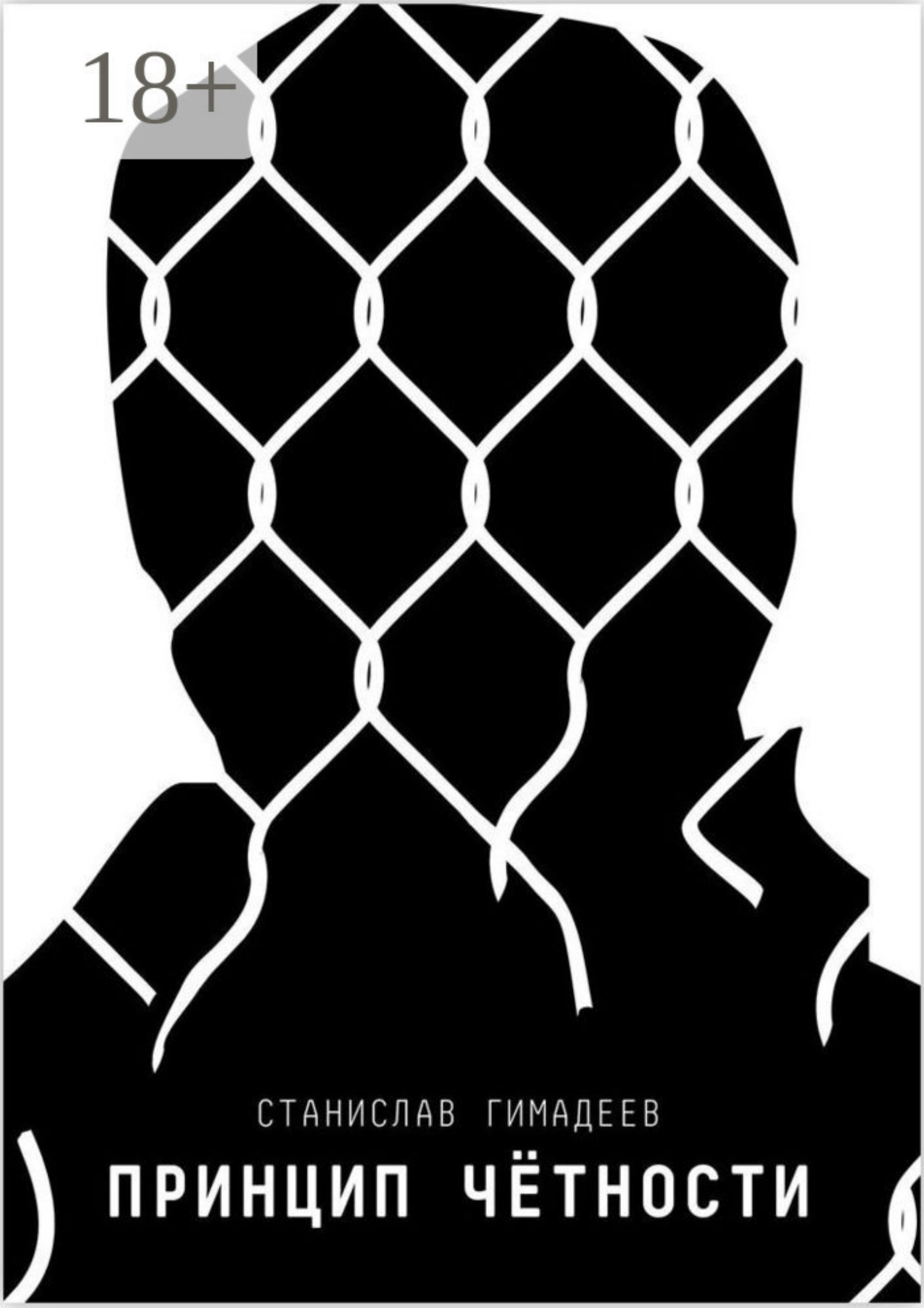
18+



СТАНИСЛАВ ГИМАДЕЕВ

ПРИНЦИП ЧЁТНОСТИ

Станислав Гимадеев

Принцип чётности

«Издательские решения»

Гимадеев С.

Принцип чётности / С. Гимадеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855910-5

Российский городок, 90-е годы. Командировочный Сергей случайно оказывается узником загадочной невидимой Оболочки-аномалии, накрывшей часть кварталов. Она впускает людей внутрь, но не выпускает наружу, поддерживая число живых внутри четным. Две тысячи жителей отрезаны от внешнего мира в ментальной ловушке. Каждый выживает по-своему, и никто не ищет способ из нее выбраться. Сергей решает найти путь спасения, однако, ему придется вступить в схватку с теми, кому на руку существование западни.

ISBN 978-5-44-855910-5

© Гимадеев С.
© Издательские решения

Содержание

Вместо пролога 6
Часть первая. Резервация 10
Часть вторая. Правила игры 39
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Принцип чётности

Станислав Гимадеев

Я скажу это начерно, шепотом, Потому что еще не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра…

О. Мандельштам

© Станислав Гимадеев, 2024

ISBN 978-5-4485-5910-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо пролога

Было около полуночи, когда он решил уйти.

В какой-то момент ему вдруг стало невыносимо противно и скучно оставаться здесь дальше, в этой шумной компании незнакомых людей. Не хотелось принимать решительно никакого участия в их полупьяных дебатах, несмотря на то, что у самого в голове уже изрядно шумело от алкоголя, не хотелось натужно таращиться в телевизор и пытаться разобрать звуки сквозь галдеж в комнате, и уж тем более совершенно не хотелось ни есть, ни пить. Он подумал, что хорошо бы сейчас просто вернуться в гостиницу, остаться в тишине, прохладе и мраке, растянуться на казенной кровати и забыться до утра. В очередной раз он выругал себя за то, что поддался на уговоры Игоря и потащился с ним сюда в такую распутицу. В результате все равно ничего не изменилось: настроение осталось таким же скверным, как и было, время продолжало неумолимо приближаться к завтра. А оно, это завтра, непременно обещало быть с нудной головной болью и мелкой дрожью в конечностях.

Ну ладно, достаточно, сказал себе Сергей и поднялся из-за стола. Лавируя между спинами, мебелью и дверными косяками, он пробрался к выходу.

В прихожей его настиг Игорь. Лицо его исказилось в немом вопросе.

– Я пойду, – сказал Сергей твердо.

– И куда? – поинтересовался Игорь, почесывая в затылке.

– В гостиницу, – ответил Сергей, вздохнув. – Куда же еще?..

Он стал одеваться и обнаружил сильное нарушение координации движений. Решение, однако, было принято и отступать нисколько не хотелось.

Игорь закрыл дверь в прихожую, навалился на нее спиной.

– Не дури, Серега… – сердитым тоном произнес он. – Во-первых, ты пьяный…

– Вполне нормален, чтоб дойти, – произнес Сергей упрямо.

– …во-вторых, поздно, черт возьми! Ты пешком, что ли, собрался топать? Города не знаешь, заблудишься на фиг!..

– Здесь, надеюсь, недалеко – как-нибудь доберусь. Гостиницу я должен узнать… Да и проветрюсь заодно перед сном.

Сергей двинулся к выходу, но Игорь встрепенулся и преградил ему дорогу.

– Вот что! – заявил он. – Я тебя сюда привел – я тебя отсюда и уведу! Очумел совсем? Давай раздевайся. Через час вместе пойдем – и делу конец!

Сергей знал по опыту, что подобные обещания Игоря практически ничего не стоят, к тому же алкоголь сильно катализировал его упрямство. Он решил схитрить.

– Ладно, ладно, – смирительным тоном проговорил он. – Я только прогуляюсь возле дома. Что-то штормит… Вернусь через пятнадцать минут.

Игорь недоверчиво сдвинул брови, несколько секунд помолчал и сдался.

– Хорошо, – медленно выговорил он. – Через пятнадцать минут.

Сергей оттеснил его, шагнул к двери и открыл ее.

– И не советую отходить далеко от подъезда!..

Он захлопнул за собой дверь и хотел быстро спуститься по лестнице, но быстро у него не получилось. Его слегка шатнуло, бросило на прохладную, шершавую стену, и он сбавил темп.

На улице оказалось темнее, чем он мог предположить. Черными параллелепипедами проступали из окружающего мрака приземистые дома, редко унизанные желтыми квадратиками светящихся окон.

Микрорайон спал. Уличных фонарей здесь либо не было вовсе, либо они были отключены, и темень очень походила на деревенскую. Моросивший с утра дождь прекратился, зато усилился ветер.

С минуту Сергей постоял на ступенях подъезда, взад-вперед покачиваясь на каблуках и задрав голову к небу, на котором из-за туч не было видно ни единой звезды. Он попытался вспомнить, откуда они с Игорем сюда подошли, но тщетно. Кажется, они о чем-то спорили, пока добирались, поэтому Сергей совсем не глядел по сторонам.

Он даже подумал: а не вернуться ли обратно? Подышать этак минут пяток и вернуться. Но эта мысль тут же была вытеснена другими: обрывочными, несформированными, говорившими, а почему это, собственно, я должен возвращаться… тут же, собственно, недалеко должно быть… Он поплотнее запахнул плащ, шагнул со ступеней в лужу и нетвердой походкой двинулся к какому-то узкому проходу между домами напротив. Он помнил, что было какое-то шоссе, которое они по пути пересекли. Однако шоссе за домами не оказалось – за домами был деревянный забор, простирающийся вправо все дальше и дальше. Это обстоятельство не смутило Сергея, рассудившего, что любой забор рано или поздно кончается и почему бы, собственно, данный забор не обойти. Ведь обходили же, собственно, и не такое!.. Он повернул направо и зашагал по тротуару вдоль забора, даже не оглянувшись, чтоб посмотреть, откуда он вышел. Он уже не думал о том, что отрезает себе все пути назад, что сжигает за собой все мосты, оставляя за спиной такие похожие в своей ночной серости здания. Он почему-то думал о романтике ночных прогулок, о здешней погоде, которая абсолютно не похожа на майскую и о прочей несвязной ерунде.

Он обнаружил себя стоящим у стены какого-то дома, упершимся обеими руками в нее, с широко расставленными ногами, словно при обыске. Его слегка мутило и уже потрясывало от холода. Порывами налетал ветер. Забора нигде и в помине не было. Зато была какая-то дорога, довольно слабо освещенная, и совсем безжизненная. На противоположной стороне ее чернело что-то похожее на пустырь, за которым смутно виднелся то ли лес, то ли роща. Нужно было куда-то идти, чтоб не замерзнуть.

Сергей с трудом разглядел впереди по ходу улицы что-то, напоминающее перекресток. Подняв воротник плаща, он сунул руки в карманы и, съежившись, побрел в сторону перекрестка, не очень, впрочем, надеясь на то, что там что-нибудь прояснится.

У перекрестка почти ничего не прояснилось. Путь Сергею пересекла другая дорога с таким же неясным происхождением, как и первая. Только здесь, на перекрестке, он заметил, что вдоль противоположной стороны дороги простирается ограждение из металлической сетки. Ограждение было высотой в человеческий рост, и ржавая, в водных каплях сетка провисала во многих местах и плохо держалась на покосившихся, гнилых, деревянных столбиках. Ограждение тянулось как до, так и после перекрестка, и с той и с другой стороны растворяясь в сумраке ночи. Назначение сетки казалось Сергею совершенно необъяснимым, поскольку за ней, похоже, не велось никаких строительных работ. По крайней мере, он их не заметил, как ни пытался всмотреться в темноту за проволокой. Он увидел лишь темные массивные фигуры разноэтажных жилых домов с редкими вкраплениями освещенных окон, размытые пятна огородов частного сектора, какое-то административное здание, автобусную остановку у дороги – словом ничего такого, от чего стоило бы отгораживаться металлической сеткой. Где-то вдали, в глубине одиноко торчал высотный дом, и Сергею почему-то взбрела в голову мысль, что этот дом вполне мог бы оказаться гостиницей, где его ждет, не дождется постель.

Оглядевшись еще раз в надежде найти живую душу в окрестностях, Сергей пересек дорогу по направлению к ограждению. Именно здесь, на перекрестке, сеточная полоса имела разрыв шириной метра полтора, и через него почти на самую дорогу вылезала длинная и узкая лента транспортера. Сергей подошел и тупо рассматривал его несколько минут. Транспортер был самый заурядный. Располагался он на уровне пояса, и по эту сторону ограждения высовы-

вался лишь его конец длиной не более трех метров. По ту сторону сетки длинная, черная латанная-перелатанная резиновая лента протянулась метров на десять или пятнадцать. На том же конце располагался привод транспортера, прикрытый от дождя какими-то кожухами, тут же рядом стояла маленькая покосившаяся строительная будка, от которой к транспортеру тянулись кабели.

На какое-то время Сергеем овладело смешанное чувство удивления и сомнения. Очередной порыв ветра придал ему решимости.

Сергей, кряхтя, вскарабкался на ленту транспортера. Он немного постоял на нем, пару раз подпрыгнул, сделал несколько шагов и остановился. Ему показалось, что сквозь щели будки пробивается еле заметный тусклый свет.

– Эге-гей!.. – крикнул он хрипло. – Есть кто живой?!

Несколько секунд он прислушивался и совсем было собрался идти дальше, как вдруг внутри будки послышался глухой стук, и наружу, скрипнув дверью, выскочила приземистая фигура в телогрейке.

– Привет, друг! – сказал Сергей. – Я тут немного заплутал…

Фигура, словно в оцепенении, приблизилась к транспортеру. Это оказался заспанный, взъерошенный парень, с виду ровесник Сергея. Кроме телогрейки на нем были рабочие штаны и короткие резиновые сапоги. Их разделяло около десяти метров.

– Ты кто?.. – удивленно и, как показалось Сергею, немного испуганно спросил парень.

– Прохожий… – ответил Сергей, – Мне в гостиницу надо…

– А че ты на этом стоишь?.. – непонимающе спросил парень, указывая на транспортер. Ежась от холода, он втянул голову в плечи.

– А это запрещено? – осведомился Сергей. – Понимаешь, я нездешний!.. Я ищу гостиницу.

– А ты тут откуда? – выпалил парень, начиная волноваться.

– Ну, как сказать… – озадаченно проговорил Сергей и пожал плечами. Он начинал мерзнуть.

– Так ты оттуда, что ли, пришел?! – вдруг воскликнул парень и махнул рукой в сторону перекрестка.

– Ну да, – сказал Сергей. – А что, собственно, в этом такого? Я же говорю: заблудился…

Парень издал что-то нечленораздельное и стал озираться по сторонам. Даже сонливость в одно мгновение исчезла с его небритого лица.

– А ты чего стоишь-то? – проговорил парень каким-то странным, замирающим тоном. – Ты иди сюда… Вот ведь, елки-палки… Слезай, давай…

Сергей прошагал по транспортеру, спрыгнул на землю и приблизился к нему. Помятое лицо парня имело какое-то странное выражение. Он даже перестал мерзнуть.

– Скажи только, как добраться до гостиницы, – сказал Сергей, – и я пойду себе дальше.

Парень лихорадочно замотал головой и открыл дверцу будки.

– Зайди, это самое… согрейся, что ли! – забормотал он. – Я сейчас… Я расскажу… Проходи!

Сергею не хотелось связываться с этим странным типом и, тем более, спорить с ним, и он покорно ввалился в будку.

– Ты меня подожди, я сейчас… – сказал парень приглушенно у него за спиной. – Садись, не стесняйся.

– Ты куда, друг? – обернулся Сергей.

Парень стоял в проеме, придерживая дверь, и переминался с ноги на ногу.

– Да я это… На секунду! – нетерпеливо обронил он, косясь куда-то в сторону. – Приду и все объясню, ага? Обожди чуток, мне надо…

Прежде чем Сергей успел что-либо ответить, парень исчез, и дверь, скрипнув, захлопнулась.

Сергей недоуменно пожал плечами и осмотрел будку. Половину ее занимал обшарпанный стол, на котором валялась замусоленная колода карт, книга учета в картонных корках, обрывки газет с пищевыми крошками и грязный, заляпанный стакан. Вплотную к столу примыкала широкая скамья, одновременно служившая, видимо, и кроватью. На нее был брошен старый ободранный матрац. В углу на гвозде грудой висела спецодежда, рядом стоял рулон рубероида, лом и лопата. Под столом гудел мощный строительный обогреватель. Все это убранство освещала запыленная пятнадцати- ваттная лампочка. В будке было тепло.

Цокнув языком, Сергей уселся на матрац. Снаружи не доносилось никаких звуков, кроме порывов ветра. Он помассировал руками шею и зевнул.

Прошло еще несколько минут. Он встал и выглянул из будки. В лицо ему недружелюбно ударил ветер. Парня в сумерках нигде не было видно. Нырнув обратно, Сергей опять сел на скамью и привалился спиной к стене.

– Ну? – изрек он в пустоту. – Что дальше?

Он уже согрелся, и страшно не хотелось опять выходить в эту промозглую темноту. Прошло еще минут пять, а, может, десять. Парень словно и не думал появляться. Тепло разморило Сергея не на шутку, и его стало упорно клонить в сон. Ладно, думал он, зевая, почему бы и нет? Чем тебе, собственно, не гостиничный номер? Не люкс, конечно, но могло бы и этого не быть. Так давайте же отнесемся к сложившейся ситуации с известной долей юмора и философии. Давайте же будем извлекать пользу из того, что имеем… Давайте же ценить синиц в руках… М-да… Обитатель этого номера, похоже, канул в неизвестность, благородно уступив ему свое койко-место. Он, правда, не сменил постельное белье, ну да бог с ним, с постельным-то бельем, не до жиру, знаете ли… На безрыбье, знаете ли…

Рассуждая таким образом, Сергей обнаружил, что он уже лежит на матраце, что у него уже нет никакого желания с него вставать, и что там происходит сейчас в мире и произойдет дальше его совершенно не касается. Ему было тепло, ему было мягко, а все остальное казалось уже абсолютно несущественным. Он даже не успел подумать, что случится, когда обитатель будки вернется, ибо это была слишком сложная мысль для его меркнущего сознания.

Часть первая. Резервация

Пойми значение сменяющихся дней.
Чем ты внимательней, тем речи их слышней.
Все, что случается, поистине похоже
На то, что видел мир, когда он был моложе
Абу-ль-Аля аль-Маарри

Его разбудил шум снаружи. Открыв глаза, Сергей увидел потолок, покрытый облупленной краской, и прямо над собой – широкую пыльную полосу света, бившую из грязного оконца будки. Никого, кроме него, в будке не было. Он пошевелил затекшей шеей и прислушался к звукам. Кто-то что-то выкрикивал в отдалении, перемежая слова матом. Где-то совсем рядом надрывно, с интервалом в несколько секунд, сигналила машина.

Сергей взглянул на часы. Полдесятого утра. Опасаясь резких движений, он сел. Самочувствие на первый взгляд было ничего, не считая, конечно, сухости во рту и тупой толчкообразной боли в затылке. Он отметил, что могло бы быть и хуже. «Романтик хренов,» – буркнул он и стал растирать лицо ладонями.

За пределами будки произошло оживление. Кто-то смачно свистнул, а потом заорал: «Яшка, заводи шарманку!» Машина издала еще один протяжный гудок. Забухали шаги, и в будку заглянул какой-то небритый тип в засаленной кепке, брезентовой штормовке и с сигаретой в зубах.

– Яшка где?! – выпалил тип хрипло. – Отпускать машину-то надо!..

– Понятия не имею, – медленно проговорил Сергей и пожал плечами.

Тип сматерился, хотел, было выйти, но потом пристально посмотрел на Сергея, не переставая дымить сигаретой.

– А ты вообще кто? – почему-то спросил он с сомнением на лице. – Конторский, что ли?

– Я не конторский… – сказал Сергей, зевнув. – А почему…

– А кто? – перебил его тип. В этот момент машина снова засигналила. – Тьфу ты, мать твою!.. – выпалил он. – Куда Яшка-то подевался?! Почему этого гада нет на месте?!

Плюясь и ругаясь, он выскочил из будки. Было слышно, как он пытается кому-то что-то втолковать.

Забавно, подумал Сергей. Похоже, что парень, приютивший его, так и не появлялся. Он осмотрел свой наряд: брюки и плащ, разумеется, были измяты. Сергей извлек из внутреннего кармана плаща расческу и причесался. Пить хотелось все сильнее. Итак, первым делом надо добраться до гостиницы, привести себя в порядок, выпить таблеточку… Хватит рассиживаться, сказал он себе, встал, потянулся, хрустнув суставами, опять зевнул и вышел из будки.

В противовес нескольким последним серым и слякотным дням светило солнце. Ветер смилостивился и стих.

Выяснилось, что будка и транспортер располагались прямо у дороги, тянувшейся сюда с самого перекрестка. На противоположной стороне дороги, чуть поодаль сиротливо стояла крытая автобусная остановка, изготовленная из бетонных плит. Машин оказалось целых две. Одна – грузовик с открытым верхом – находилась совсем рядом, по эту сторону транспортера, перед самой будкой. Кабина ее с распахнутой дверцей пустовала, а задний борт был откинут. Точно таким же образом, только на противоположном конце транспортера, почти на перекрестке, стояла вторая машина. Это был грузовой фургон. Возле него скучали в ожидании две фигуры.

Сергей опять удивился, зачем это и кому это понадобилось создавать себе дополнительные проблемы и перегораживать металлической сеткой дорогу, по которой, без всякого сомне-

ния, когда-то ездил городской транспорт. Высотный дом, который он приметил ночью, теперь, при дневном свете оказался жилым и, при всем желании, никак не походил на гостиницу. Это слегка огорчило Сергея. Утешало лишь то обстоятельство, что он не пошел к нему ночью. Вот был бы номер! Ну, и что теперь, родной, подумал Сергей озабоченно. Дальше-то что?

Он неторопливо приблизился к машине без водителя и обогнул ее. Метрах в пятидесяти стояло светло-желтое двухэтажное административное здание. В некотором отдалении от него находилось двое. Один из них, высокий молодой парень, был в милицейской форме, второй – тот самый небритый тип в штормовке, который заглядывал в будку. Тип в штормовке что-то эмоционально объяснял человеку в форме и по очереди показывал рукой то на будку, то на машину за ограждением. Сергей решил, что представитель правопорядка есть наилучший консультант в деле поиска гостиницы, и медленно направился к ним. Пока он приближался, тип в штормовке махнул рукой, отстал от милиционера и промчался мимо Сергея, бросив на него по пути подозрительный взгляд. Видок у меня, должно быть, что надо, подумал Сергей, ощупывая щетину и зевая.

Ростом милиционер оказался чуть выше Сергея; был он темноволосый, коротко стриженый, и на вид ему было около тридцати лет. На боку его висела кобура с пистолетом и рация, но почему-то не было никаких лычек на погонах серой форменной куртки.

– Здравствуйте… – сказал Сергей, останавливаясь перед ним.

Милиционер коротко кивнул в ответ. Он очень уж пристально стал осматривать его с ног до головы, отчего Сергей почувствовал себя немного неуютно.

– Не подскажете, как добраться до гостиницы? – осведомился он.

– До гостиницы? – слегка удивленно переспросил милиционер, приподняв брови. У него были живые карие глаза, и они смотрели на Сергея как-то странно.

– Я первый раз в вашем городе, – пояснил Сергей. – Понимаете… Мне бы в гостиницу надо.

– То-то я смотрю лицо незнакомое… – проговорил милиционер и задумчиво нахмурился.

– А вы знаете в лицо всех в городе? – осторожно поинтересовался Сергей.

Милиционер пропустил его вопрос мимо ушей. Он оглянулся по сторонам, затем снова вперил в Сергея внимательный взгляд. Лицо его уже не было хмурым, оно было серьезно-сосредоточенным.

– Ничего не понимаю, – произнес он медленно. – Как же вы проникли на нашу территорию?

– На какую это – вашу? – не понял Сергей. – В каком смысле?

– Вы попали на территорию резервации, – пояснил милиционер. – Вы что, сетку не видели? Вы сюда что, сквозь нее прошли?

– Почему – сквозь?.. По транспортеру, – озадаченно сказал Сергей. – Я же говорю, что я приезжий… Ночью искал гостиницу. Думал, может, этот вот дом и есть… Погодите… Какая еще резервация? – спросил он.

– Ах, по транспортеру, – удивился милиционер. – Невзирая, понимаешь, на ограждение. – Он сокрушенно покачал головой. – По транспортеру! – повторил он, вздохнув. – Это ж надо, а! Нарочно не придумаешь.

Сергею все это уже начинало не нравиться.

– Что значит «резервация»… – начал было он.

– Погодите, погодите, – поспешно перебил его милиционер. – Сначала расскажите все по порядку.

Сергей растерянно пожал плечами и стал рассказывать. Пока он говорил, лицо милиционера становилось все серьезнее и сумрачнее. Он уже глядел не на Сергея, а куда-то вдаль, в сторону перекрестка и все время покусывал нижнюю губу. Когда Сергей закончил, он снова вздохнул и произнес:

– Теперь все понятно.

– Что понятно? – спросил Сергей, – Мне вот, например, ничего непонятно.

– Да все понятно, – повторил милиционер и посмотрел на Сергея с сочувствием. – Даже прямо не знаю… Хоть смейся, хоть плачь. А почему вас никто не предупредил?

– О чем?

– О том, что в городе существует резервация?

– Не знаю… – протянул Сергей хмуро. – Постойте… Я понять не могу… Что значит – резервация?

– Вы в первый раз слышите о резервациях? – удивленно вскинул брови милиционер.

Возникла некоторая пауза. В голове Сергея торопливо заворочались мысли. Милиционер продолжал пристально изучать его.

– Это, о каких резервациях?.. – обмирая, вымолвил Сергей. – Это о которых писали…

– Да-да, – проговорил милиционер. – О них самых. Много писали в свое время. Вспомнили?

– Но как же… – ошеломленно выдохнул Сергей. – Погодите…

В памяти его лихорадочно стали всплывать обрывочные сведения прошлых лет на эту тему, полученные из газет, телевидения… Стремительно начало нарастать в груди волнение.

– Нет, я, конечно, помню… – пробормотал он. – Много шумихи тогда было… Но… Сейчас же… Сколько лет-то прошло! Все молчат…

– Сейчас, конечно, молчат, – кивнул милиционер. – Но резервации от этого, к сожалению, не исчезли. Просто про них забыли. Привыкли…

Сергей оторопело молчал.

– Вот видите, как получилось, – сказал милиционер, вздохнув. – Не думали, а угодили.

– Так… – сказал Сергей и умолк, пытаясь собраться с мыслями.

Это получалось плохо. Сердце стало гулко колотиться, где-то внутри разрастался мерзкий, противный холодок.

– Стало быть, я в резервации? – проговорил Сергей.

– Угу, – сказал милиционер.

– Стало быть, я не смогу отсюда выйти?

– Угу, – снова сказал он и на лице его опять возник оттенок сочувствия.

– Почему… не смогу?! – выдавил Сергей, пытаясь сохранять спокойствие.

– Такой, понимаешь, закон, – ответил милиционер, пожимая плечами. – Принцип четности, называется.

– Принцип четности… – повторил Сергей и облизнул губы. Во рту было сухо. – Как это понять – закон?

– Ну, правило такое. Понимаете?

– Правило… – пробормотал Сергей. – Ничего я не понимаю… Погодите!.. Ладно… А что мне может помешать? – взволнованно спросил он. – Ну, выйти отсюда… Или – кто?

– Оболочка не пропустит, – ответил милиционер невозмутимо.

– И где же она?.. Эта Оболочка…

– По периметру резервации, – ответил милиционер. – Где же она еще может быть?

– Она что, невидимая?

– Разумеется. Была б она видимой – на кой бы ляд тогда ограждение поставили? Логично?

– Логично, – упавшим голосом сказал Сергей, – Все равно ни черта не понимаю!.. Как я тогда сюда зашел? Нормально ведь зашел! Без всяких Оболочек!

– Сюда – да, – кивнул милиционер. – Сюда зайти проблем нет! А вот обратно… В этом и есть фокус-покус. На то она и резервация.

– Слушайте… Бред какой-то, – сказал Сергей.

Он стоял в полном ошеломлении. Он ничего не понимал. То, что он узнал, не умещалось в его голове. Никаким образом не укладывалось. Просто не хотело, не желало укладываться. Все у него внутри сопротивлялось этому, кричало и недоумевало. Милиционер извлек из кармана пачку сигарет, жестом предложил Сергею. Он отказался. Милиционер неторопливо закурил, задумчиво глядя в сторону транспортера, где продолжали ждать две машины. Затем он проговорил:

– Давно у нас такого не было. Чтобы кто-то вот так случайно попался… Ну, местные-то все знают, не первый год кувыркаемся… Специально сетки протянули, специально!.. Транспортер это вообще, по идее, единственное место, где можно зайти. Ведь надо же, а! Просто роковое стечение обстоятельств.

– Роковое стечение… роковое стечение… – зашептал Сергей. Он не знал, что делать. Его стало охватывать отчаяние. – Слушай! – Он схватил милиционера за рукав. – Ты это все серьезно? – От волнения он не заметил, что перешел на «ты». – Ты не шутишь?

– Тебя как звать?

– Сергей, – выдавил Сергей уныло.

– Меня Кирилл, – сказал милиционер. – Будем знакомы. – Он сделал паузу, потом сказал, опустив глаза: – Я не шучу, Сергей. Какие тут могут быть шутки? Многие в резервации хотели бы, чтобы это были шутки… Но, к сожалению, это горькая правда.

Видимо, на лице Сергея было написано сомнение, потому что Кирилл спросил:

– Не веришь?

Сергей не ответил. У него не было слов.

– Можешь проверить, – сказал Кирилл спокойно. – Все сомнения отпадут сразу. Хочешь проверить?

– Хочу, – сдавлено сказал Сергей.

– Тогда пошли на транспортер, – решительно сказал Кирилл. – Попробуй выйти обратно. Сам увидишь.

Сергей молча развернулся и решительно двинулся к транспортеру. Кирилл последовал за ним.

– Я только хочу предупредить, – торопливо говорил он, идя рядом. – Ты должен знать. Во-первых, ты не дойдешь до сетки. Это потому, что граница находится ближе, где-то посередине транспортера. Во-вторых, это будут очень неприятные ощущения… Слышишь?

Сергей хранил молчание. Лицо Кирилла приобрело очень серьезный вид.

– Слышишь меня, Сергей? – переспросил он. – Иди медленно и будь осторожен. Ты понял?

– Понял… – обронил Сергей. От этого деловито-рассудительного тона Кирилла на душе у него стало еще противнее.

Возле транспортера уже суетились трое мужиков, включая небритого типа в штормовке. Подойдя к ленте вплотную, Сергей ненадолго замешкался, оглянулся на Кирилла. Тот слегка кивнул. Сергей запрыгнул на поверхность транспортера. Конструкция, скрипнув, слегка качнулась под ногами.

– Эй-эй, ты чего?! – выпалил один из мужиков. – Сдурел, что ли?!

Не обращая на него внимания, Сергей сделал несколько шагов.

– Куда ты?! – полетело ему в спину. – Нажрался с утра?!

– Михалыч, это, вообще, кто такой?..

Послышались успокаивающие слова Кирилла, и через несколько мгновений мужики притихли.

На том конце транспортера, возле крытого фургона тоже молча и с любопытством наблюдали происходящее.

– Сергей, я рядом, – послышался участливый голос Кирилла. – Когда станет совсем плохо, сразу возвращайся, слышишь? С этим нельзя шутить!

Мелкими неторопливыми шагами Сергей продолжал идти по резиновой ленте, прогибающейся под каждым его шагом. Он почти уже достиг середины транспортера, но не чувствовал ничего необычного. Только на душе стало вдруг тревожно. Он хотел уже было обрадоваться, что ничего не происходит, что этот парень в милицейской форме ошибся, или, может, ему просто сейчас повезет, он дойдет до конца транспортера и спрыгнет… Но по мере продвижения вперед чувство тревоги вдруг странным образом переросло в ощущение печали, и с каждым шагом эта печаль разрасталась внутри Сергея как снежный ком. На секунду он, ничего не понимающий, объятый этим чувством, ошарашено замер. Потом робко сделал еще шаг и еще… Теперь это была уже не печаль, а безудержная тоска, хлынувшая в душу и заполонившая все его существо. Он почувствовал неимоверную тяжесть в груди, застонал, пошатнулся и застыл на полушаге… Ему стало плохо, ему стало отвратительно и гадостно на душе настолько, что захотелось изо всех сил взвыть, зареветь, заскулить, застонать… Это была не просто тоска, это была вселенская тоска, смертная и жуткая, на части раздиравшая душу и лишающая его воли. «Господи, что же это…» – еле смог прошептать он в отчаянии и схватился правой рукой за грудь. С усилием он заставил себя сделать еще шаг. Ему показалось, что сердце сейчас разорвется, ноги подкосились, и Сергей упал на одно колено, упершись в резину свободной левой рукой. К горлу подступил комок, дыхание перехватило, и на глаза навернулись слезы. Он уже ничего не видел и не слышал; ничего не существовало в мире кроме этой всепоглощающей тоски. Она заполнила каждую его клеточку, она рвалась наружу, она кричала в нем… Все вокруг было совершенно неважно и никчемно, и не хотелось жить с ней, с этой тоской, совсем не хотелось жить. Хотелось умереть, лишь бы избавиться от этого мучительного и невыносимого чувства… Он уже лежал, подтянув ноги к животу, обхватив руками голову, и стонал. Казалось, только тонкая неуловимая грань отделяет его от потери сознания. Как через ватное одеяло, словно из другого мира то пробивались, то вновь пропадали гулкие слова. Чей-то голос настойчиво повторял: «Назад… назад… назад…» Он плохо понимал потом, как ему удалось найти остатки сил, животных инстинктов, чтобы в полубессознательном состоянии каким-то образом откатиться, отползти на несколько шагов назад. Он смутно помнил, как затем его схватили за ноги и подтащили, и чьи-то руки сняли его с транспортера и не дали ему упасть на землю…

Когда он окончательно пришел в себя, то обнаружил, что сидит на скамейке, в полумраке заброшенной автобусной остановки. Напротив, через дорогу виднелась будка и грузовик. Там уже вовсю кипела работа. Транспортер скрежетал и тарахтел. По нему двигались какие-то большие, тяжелые деревянные ящики, и туда-сюда сновали фигуры грузчиков. Рядом сидел Кирилл и молча курил, наблюдая за их работой. Заметив, что Сергей пошевелился, Кирилл повернулся к нему и спросил:

– Ну ты как? Отошел?

Сергей ничего не ответил, подтянул ноги под скамейку и дотронулся ладонями до лица. Оно было мокрое от слез, и он стал размазывать их по щекам. Все кошмарные ощущения исчезли, осталось лишь чувство полнейшей опустошенности и легкой слабости внутри. Голова болела еще больше, чем раньше, и пить хотелось еще сильнее. На какое-то время им овладело чувство полного безразличия к себе и своей дальнейшей судьбе. Сейчас он был рад и тому, что кончился весь этот ужас, который он только что испытал.

– Скоро пройдет, – заверил Кирилл. – Потерпи еще немного.

Они молчали около минуты, потом Сергей сипло спросил, тяжело ворочая языком в пересохшем рту:

– Что это было, а?

– Оболочка, – ответил Кирилл. – Она тебя не пропустила, как я и предупреждал. Хорошо, что мы были рядом, а то провалялся бы там дольше – потом отлеживался бы день или два… А то и вообще мог бы концы отдать.

Сергей наклонился и закрыл лицо руками.

– За что мне это?.. – прошептал он.

– Тебе просто сильно не повезло, – сказал Кирилл сочувственно. – Чистая случайность.

Господи, думал отрешенно Сергей, ну чем я пред тобой провинился? Почему мне никто ничего не сказал? Ни одна сволочь вчера не сказала… Хотя… Сам же слинял по-английски, сам! Стало быть, сам и виноват. Они, может быть, только и ждали, когда ты пойдешь, чтоб начать предупреждать и объяснять, что туда ходи, сюда не ходи… Маразм. Идиотизм. Но Игорь-то! Неужели и он ничего не знал? Или тоже вылетело из головы?.. Под водочку, под джинчик, знаете ли, многое может вылететь… А, собственно, какая теперь разница, подумал он вяло, кто виноват, да почему так, а не эдак? Сейчас надо думать, что делать…

Он медленно отнял руки от лица и посмотрел на Кирилла. Тот затоптал окурок и поправил кепку.

– Скажи… э-э, Кирилл, – проговорил Сергей уныло. – Вот что мне теперь делать?

– Главное, ты успокойся, – ответил Кирилл. – Не пори, понимаешь, горячку. Теперь ты понял, что отсюда нет выхода? Понял. Это происходит, кстати, не только на транспортере. Это в любом месте, где ты попытаешься пройти через Оболочку. Картина везде одна и та же.

– Спасибо на добром слове, – хрипло обронил Сергей.

– У тебя был один-единственный шанс вернуться, – вдруг сказал Кирилл. – Это сразу же, как только ты вошел.

Сергей резко выпрямился и развернулся к нему.

– Это как? – спросил он хмуро.

– А так, – сказал Кирилл. – Тоже такое правило. Понимаешь, когда ты прошел оттуда через Оболочку, в ней образовался Проход. Временный, понимаешь? Ненадолго. Как дырка… Кто-то через него может выйти. Но один! Потом Проход закрывается. Если бы ты сразу вернулся, то ты бы вернулся и все! Ничего бы не было. Но через него ушел Яшка, Проход закрылся, а ты остался.

– Вот же сукин сын… – вымолвил Сергей мрачно.

– Яшка всегда был дерьмо, – сказал Кирилл. – Я давно его знаю. Теперь, наверное, считает себя самым везучим в мире. Говорил я им: уберите вы его, блин, от транспортера! Ведь дождетесь, что спорет какую-нибудь лажу… Вот и пожалуйста.

– Но почему так? – угрюмо спросил Сергей.

– Ты о чем?

– Почему только один может через Проход выйти?

– Ну, вот не знаю, – развел руками Кирилл. – Принцип четности, вот и все. Это не мы придумали. Только, ради бога, не спрашивай – кто! На это тебе никто не ответит.

– Да я и не спрашиваю… – тяжело вздохнул Сергей и откинулся на холодную каменную стену. – Я вот не знаю, что мне теперь делать и куда бежать.

– Бежать тебе, по идее, некуда, – заверил его Кирилл. – Тебе сейчас надо привыкнуть, обжиться и так далее… Ты здесь надолго, понимаешь?

– На сколько? – тихо вымолвил Сергей.

– Этого тоже никто не знает, – сказал Кирилл, помолчал и добавил: – Сергей, тут у нас в резервации очень много всяких дуростей… Мы сейчас знаешь как поступим? Я тебя сейчас в мэрию провожу, все равно тебе туда надо сперва. На учет встать и остальное… Вот она, – он показал пальцем через дорогу на желтое административное здание. – Это мэрия нашей резервации. Объяснишь, значит, там все, расскажешь про себя, ну и так далее… Ты как себя чувствуешь? Идти можешь уже?

– Могу… – Сергей поднялся. – Башка только болит, и пить хочется страшно.

– Тогда идем, – вскочил Кирилл.

Они вышли из недр остановки и, наискосок пересекая дорогу, зашагали к желтому зданию. Сергей нашарил в кармане плаща жевательную резинку и сунул в рот. Он еще не совсем отошел от шока и все происходящее воспринимал слегка отстранено. Главное для него сейчас было не замкнуться на собственных мыслях. И еще он боялся остаться наедине с собой, когда не замкнуться на них было бы очень сложно.

– Кирилл, а ты кто? – угрюмо поинтересовался он по дороге.

– Здешний полицейский, – ответил Кирилл.

– Полицейский? – повторил Сергей немного недоуменно. – Значит, у вас полиция? Странно…

– Не знаю. Так вот порешили когда-то, и все. Какая разница-то?

Они поднялись по выщербленным ступеням парадного входа и вошли в прохладное помещение, освещенное лампами дневного света. Из вестибюля влево и вправо уходили коридоры, в центре, напротив входа широкая лестница вела на второй этаж. Группа подростков с шумом сбежала по ней и, прошмыгнув мимо Сергея и Кирилла, выскочила на улицу. Кирилл увлек Сергея в левый коридор. Перед третьей или четвертой дверью с самодельной табличкой «Мэр» они остановились. Сергей вытащил жвачку изо рта и пробормотал:

– Я в таком виде…

– Ничего, я все ему объясню, – успокоил Кирилл. – Мэр у нас мужик, что надо. Ты подожди пока здесь минуту.

Он постучался и тут же скользнул в кабинет, закрыв за собой дверь. Оставшись в коридоре один, Сергей прислонился лбом к прохладной крашеной стене. Ужасно хотелось пить. Ведь это ж надо в такое дерьмо вляпаться, тоскливо подумал он. Уму ж непостижимо… Он попытался отогнать надвигающиеся черной тучей тяжелые мысли, решив переключить внимание на поиски воды. Он знал, что это временно, что эти думы еще овладеют им, и душевные муки еще впереди… Но только не сейчас, думал он, только не надо об этом сейчас… Сейчас бы только воды. Стакан, а лучше два или три… Такой тепловатой, хлорированной, пахнущей ржавчиной, но зато мокрой, очень мокрой, просто фантастически мокрой и фантастически жидкой воды… Сергей поплелся по коридору вглубь в надежде найти туалет, поглядывая на двери, оснащенные такими же, как на двери мэра самодельными табличками. «Отдел снабжения» гласила табличка на одной из дверей, на другой – «Кадровый отдел», еще дальше – «Транспортный отдел». Сергей почти дошел до окна в самом конце коридора, как за спиной раздался голос Кирилла:

– Иди сюда!

Сергей вернулся. Кирилл вышел в коридор, прикрыл дверь и торопливо заговорил:

– Значит, поговоришь с ним, расскажешь о себе… Я предварительно его ввел в курс. Он тебе объяснит, что делать. Мне надо срочно бежать, так что ты давай дальше сам… Не падай духом, ладно? – Кирилл заглянул ему в глаза. – Сергей, слышишь?

– Постараюсь, – хмуро ответил Сергей.

Кирилл почти бегом устремился по коридору и пропал. Сергей глубоко вздохнул и зашел в кабинет.

Большую его часть занимало несколько столов, классически расставленных буквой «Т», с аккуратно задвинутыми стульями. Несколько стульев стояло вдоль противоположной стены, в углу напротив находился отдельный столик с печатающей машинкой. Два окна занимали почти всю стену и щедро заливали комнату светом. Стены, окрашенные в голубой цвет, были пусты. Мэр, как и положено, сидел за центральным столом. Это был коренастый мужчина в черном костюме, лет пятидесяти, с седеющими, зачесанными назад густыми волосами и задумчивым взглядом. На столе, кроме огромного количества бумаг и папок, находились еще настоль-

ная лампа, телефон, перекидной календарь. С правой стороны от мэра, в углу кабинета стоял массивный металлический сейф зеленого цвета.

– Здравствуйте, – охрипшим голосом проговорил Сергей.

– Здравствуйте, – сказал мэр и указал рукой на место за столом перед собой. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Сергей прошел, сел за стол и сложил перед собой руки. Мэр несколько секунд изучающе осматривал его, а потом сказал:

– Давайте знакомиться. Меня зовут Илья Максимович Посаженов. Я являюсь здесь высшим должностным лицом. – Он сделал небольшую паузу. – Кирилл в общих чертах обрисовал вашу ситуацию. Расскажите поподробнее: кто вы и откуда.

Сергей облизнул пересохшие губы.

– Шепилов Сергей Иванович, – сказал он, и мэр тут же записал на календаре. – В ваш город приехал в командировку. Вчера утром. Мы с моим начальником остановились в гостинице… «Заря», кажется

И Сергей второй раз за сегодняшнее утро рассказал о своих приключениях, опустив только недавний эпизод с транспортером. Мэр внимательно слушал его и изредка кивал.

– Вы где живете?

– Далеко отсюда. Очень далеко.

– Семья есть?

– Есть жена и дочь, но я с ними сейчас не живу.

– А родители?

– Родители есть, оба на пенсии.

– Понятно, – задумчиво проговорил мэр, снова делая какие-то пометки на календаре. – Видите ли, мы должны сообщить о вас. Давайте я запишу адрес. Родителей или кого вы…

– Нет-нет! – поспешно сказал Сергей, – Ничего родителям сообщать не надо, я прошу. И жене тоже. Не надо. Только начальнику, он мой друг, я с ним переговорю и все. Этого будет достаточно. Только надо узнать телефон гостиницы или вашего парка культуры… Он сейчас уже должен быть там.

– Ничего не получится, – произнес мэр с сожалением. – С телефоном ничего не получится.

– В каком смысле? – не понял Сергей, – Почему?

– Телефонная связь не работает. Отсюда нельзя позвонить. И сюда тоже.

– И долго она не будет работать? – спросил Сергей.

– Нет, вы не поняли, Сергей Иванович, – сказал мэр. – Дело не в технике. Просто связи резервации с внешним миром по телефону не существует.

– Такие, в некотором роде, правила игры.

– Какие еще «правила игры»?! – недоуменно сказал Сергей. Снова возник неприятный холодок внутри. – Опять какие-то правила! Я ничего не понимаю. А зачем у вас телефон на столе тогда?

– Это внутренняя связь, – пояснил мэр, – В пределах резервации. Мы ее сами тянули, когда поняли, что внешняя не работает и никогда не заработает. Пришлось повозиться со всей этой коммутацией. Так что вот, Сергей Иванович, с внешним миром общение у нас только почтовое.

– Хорошенькое дело… – проговорил Сергей, – Становится все интереснее и интереснее.

– Вы человек у нас новый, – сказал мэр, – вам ко многому еще предстоит привыкнуть. У нас в резервации хватает, так сказать, местных особенностей и достопримечательностей.

– Это их вы называете правилами игры? – спросил Сергей.

– Не совсем так, – качнул головой мэр. – Правила – это то, что от нас не зависит, то что нам дадено, так сказать, изначально. Их, вообще говоря, немного. Но дело в том, что на основе

этих немногих правил появился уклад жизни многих людей. Со многими и многими особенностями. Особенностей гораздо больше, чем правил. Понимаете?

Сергей не ответил. Он ничего не понимал и снова начал волноваться.

– Но кто это придумал такое идиотское правило, согласно которому я не могу покинуть вашу резервацию?

– Не только вы. Никто не может, к сожалению. Вы теперь всего лишь стали одним из всех.

– Но зачем?! – выпалил Сергей, – Зачем и кому это надо?! Вы можете ответить?

– Не могу, – сказал мэр, – Я ведь только мэр, а не господь бог. Я могу лишь помочь вам жить здесь. Могу помочь сделать вашу жизнь как можно более достойной на тот период, который вам отпущен. В рамках возможного, разумеется. Вот моя обязанность.

– А какой период мне отпущен? – тихо проговорил Сергей. – Насколько я тут застрял, а?!

– К сожалению, этого никто не знает, – сказал мэр, пожав плечами и грустно улыбнулся. – Я прекрасно понимаю ваше состояние. У вас сейчас масса вопросов. У меня мало времени, и я просто не смогу ответить даже на малую их часть. Давайте мы с вами решим насущные житейские проблемы. Итак, говорите координаты вашего начальника.

– Бортников Игорь Владимирович, – пробормотал Сергей. – Директор фирмы «Эола». Понимаете, мы должны начать монтаж игрового оборудования в центральном парке культуры и отдыха. Он сейчас должен быть там. Я не знаю, где именно, но найти через администрацию парка можно, наверное…

– Хорошо, хорошо, – сказал мэр. – Сегодня свяжемся. А родственникам, значит, не желаете?

– Ни к чему, – замотал головой Сергей.

– Как хотите, – сказал мэр, несколько секунд молча что-то обдумывал, затем сказал: – Значит, вам сейчас необходимо решить два основных вопроса. Первое – жилье, второе – трудоустройство. Без этого никак нельзя. Вы меня понимаете?

– Да… – не сразу ответил Сергей. Он тупо рассматривал царапины на полированной поверхности стола. Так и хотелось закричать: «Ни черта я не понимаю!!!»

– Сначала вам придется зарегистрироваться, – продолжил деловито мэр. – Такой у нас порядок. Подниметесь на второй этаж. Крыло на эту же сторону, не перепутайте – в противоположном у нас школа. Найдете «Отдел особого назначения». Начальника отдела зовут Кравец Владимир Николаевич. Он определит вас на жительство, поставит на учет, анкету заполните… Объяснит вам наши принципы. На вопросы ответит. Теперь с работой. Вам надо будет подойти к нашему кадровику, на этом же этаже, только чуть подальше. Вы кто по специальности?

– Инженер, – сдавленно ответил Сергей. – Технический уклон.

– Понятно, – кивнул мэр. – В общем, переговорите с ним и определитесь.

– Скажите, – сказал Сергей уныло, – у вас здесь существуют… э-э… товарно-денежные отношения?

– А как же? – поднял брови мэр. – Обязательно. Правда цены на некоторые категории товаров могут отличаться по сравнению, скажем, с ценами во внешнем мире, но… Уж такова местная специфика. Кстати, о деньгах… Раз уж вы в таком положении. Первое время придется туговато. – Он призадумался на мгновение. – Здесь поступим следующим образом. Я дам указание бухгалтерии, и вам выпишут материальную помощь. Это будет немного, но лучше, чем ничего. Договорились? Получите, видимо, только после обеда…

– Спасибо, – произнес отрешенно Сергей.

– Подойдете к кассе. Это в противоположном крыле. Больше, пожалуй, ничем помочь не смогу. – Мэр задумался ненадолго и добавил: – И не затягивайте с работой. В конце концов, это в ваших же интересах.

В кабинете наступила тишина. Мэр молчал и внимательно смотрел на Сергея. Из коридора доносились приглушенные детские возгласы. Сергей тяжело и медленно поднялся, и задвинул стул.

– Спасибо, – еще раз сказал он с вздохом. – Где тут туалет, не подскажете?

– В другом крыле, – ответил мэр, – Сразу вначале. Всего хорошего.

Выйдя в коридор и оставшись наедине со своими мыслями, Сергей снова чуть было не впал в беспросветное уныние. Лишь методичные тупые толчки боли в затылке да неимоверная сухость во рту как-то отвлекали от мрачных дум. Терпеть жажду больше не было никаких сил. Организм нещадно требовал воды, и Сергей поплелся в противоположное крыло, где, по словам мэра, находился туалет.

На этаже было тихо и безлюдно. Откуда-то сверху отдаленно доносился гомон детских голосов. Сергей ввалился в туалет, который он опознал по мужскому профилю на двери, и лихорадочно прильнул к корявой раковине у входа, моля бога, чтоб она работала. Ему повезло, немного поклокотав, кран стал выплевывать порциями воду, ту самую, о которой он мечтал: тепловатую, с привкусом ржавчины и чего-то еще. Отдуваясь и закрыв глаза, он подождал, когда утихомирится сердцебиение, потом сделал еще несколько глотков, ополоснул лицо и привалился спиной к стене.

Ну что, родной, сказал он себе. Что теперь делать будешь? Кому побежишь морду бить, на кого в суд будешь подавать, а? Похоже, что в такие командировки ты еще не ездил. Похоже, если и бывают на свете феноменальные невезения, так это одно из них… Ладно, еще рано выть, сказал он себе твердо. Еще ничего не известно, я ничего толком не знаю. Главное сейчас – это во всем разобраться… Не может быть, чтобы отсюда не было выхода! Раз эта сволочь Яшка вышел одним способом, значит вполне могут быть и другие!.. Должны быть, со злостью подумал он. Нет, так просто я вам не дамся. Я выберусь отсюда, черт подери!

Сергей выпрямился и вытер с лица капли воды.

– Ну что ж… – хрипло выговорил он, ощущая в себе зачатки решимости. – Едемте.

Он закрыл булькающий кран, вышел из туалета и направился на второй этаж. На лестнице его обогнали два пацана с тетрадями под мышкой. Левый коридор оказался заполнен детьми всех возрастов. Поначалу Сергей было удивился, но потом вспомнил, что мэр говорил что-то о школе. Он направился в правое крыло и сразу же наткнулся на нужную дверь. «Отдел особого назначения при мэрии» гласила надпись.

Этот кабинет был несколько меньше по размерам, чем у мэра, и содержал всего три стола. Все они были явно рабочими, но два из них пустовали. В кабинете сидел один человек, слева от двери, спиной к стене. Был он, под стать мэру, тоже лет пятидесяти, худощав и высок, что было заметно, несмотря на то, что человек сидел. Редкие седые волосы уже стали исчезать с макушки его головы.

– Проходите, молодой человек, садитесь, – произнес человек, глядя на Сергея поверх очков. – Владимир Николаевич, – представился он. – Фамилия Кравец.

– Мне нужно вам рассказывать о причинах моего появления? – осторожно поинтересовался Сергей. Ему очень не хотелось делать это в третий раз.

– Разумеется, – сказал Кравец. – Расскажете, потом я вам дам анкету. У нас каждый человек в резервации подлежит учету.

– Ради бога, – изрек Сергей. – Раз надо…

Он собрался с духом и в очередной раз поведал свою историю. Кравец очень внимательно слушал, поблескивая линзами, и иногда задавал вопросы уточняющего характера. Когда Сергей закончил, он произнес: «Хорошо», открыл один из ящиков стола и стал там рыться.

– Честно говоря, их еще надо найти… – прокряхтел он, склоняясь и заглядывая куда-то внутрь. – Давненько у меня никто анкет не заполнял. Вроде здесь были… Ага, вот, – Он

вытащил какие-то бланки. – Возьмите, молодой человек. Пока вы заполняете, я посмотрю, куда бы вас поселить. М-м-да…

Сергей перебрался за стол рядом и рассмотрел бланк анкеты. Он назывался: «Анкета проживающего на территории резервации». Под заголовком стояла графа «Регистрационный номер», далее шли всевозможные вопросы: Ф.И.О., год и место рождения, прежнее место жительства, паспортные данные, подробное семейное положение, состояние здоровья, прежнее место работы, полный перечень родственников, их возрастов и мест проживания…

Сергей покосился на Кравца. Начальник отдела особого назначения внимательно изучал содержимое одной из папок на своем столе и при этом бубнил себе под нос: «Так, так, так…» Вопросы в анкете оказались далеко не шуточными. Видимо, отдел особого назначения – штука серьезная, подумал Сергей. Круто он берется за учет населения, с размахом… Вздохнув, он стал заполнять графы. Когда он дошел до серии вопросов: «Имеете ли вы тяжелые формы заболеваний?», «Имеет ли кто-либо из ваших родственников тяжелые формы заболеваний?», «Употребляете ли вы наркотики?», «Состояли ли вы на учете в наркодиспансере?», то перестал писать и слегка озадаченно спросил:

– Тут вот ряд вопросов медицинского характера. Про родственников зачем-то… На них обязательно отвечать?

– Отвечать обязательно на все вопросы, – с расстановкой сказал Кравец, не отрываясь от изучения содержимого папки. – Если вы в чем-то не уверены относительно родственников – пишите, как помните или знаете.

Сергей пожал плечами. Ладно, подумал он, напишем. Не имел… Насколько мне известно, никто из родни тоже… Не употреблял… Не состоял… Что там дальше у нас? «Имеете ли вы психические заболевания; состояли ли вы на учете в психдиспансере?», «Имеете ли вы склонность к насилию?», «Имеете ли вы склонность к самоубийству?» Сергей негромко хмыкнул. Однако, подумал он слегка удивленно. А впрочем, ваше дело спросить, наше дело ответить. Последними были вопросы о судимостях, связях с криминальными структурами, конфликтах с законом, пребывании за границей, а равно и в других городах России.

В самом конце анкеты была довольно обширная графа «Причины попадания на территорию резервации». Сергей коротко, в несколько фраз обрисовал свою историю, затем поставил дату и подпись.

– Пожалуйста, – сказал он, подходя к столу Кравца и протягивая ему бумагу.

С минуту тот молчаливо изучал ее содержимое, затем отложил анкету в сторону и воззрился на Сергея.

– Хорошо, – произнес он и в свою очередь протянул Сергею маленький блокнотный листок. – Возьмите, здесь адрес.

На листке было написано: «пер. Солдатова, 6 – 17, Галушко».

– Жить будете у них. Семья – трое человек. Двухкомнатная квартира. Они дадут вам одну комнату.

Сергей растерялся.

– А как же… – пробормотал он. – Я не понимаю…

– Да вы не переживайте, – успокаивающе заговорил Кравец. – Это все официально и в порядке вещей. Видите ли, молодой человек, в резервации очень много, таких как вы, поселенцев. То есть людей, которые квартируют. Поэтому ничего экстраординарного в вашем случае нет. Все об этом знают, все всё прекрасно понимают. Потому что людям надо где-то жить… Мы подселяем их по возможности к тем, у кого жилплощадь побольше. Это вынужденная мера, и они обязаны вас пустить. Никакой специальной бумаги для этого от меня не требуется. Я сегодня позвоню кому-нибудь из хозяев и предупрежу. Ну, вы и сами тоже объясните.

– Как все просто… – проронил Сергей.

– А в данном случае ничего усложнять не надо, – заверил Кравец. – Понимаете, молодой человек, резервация не такая уж большая, и все друг друга знают. Поэтому ненужных вопросов, как правило, не возникает. У Галушко вторая комната приличная, вы особо их не стесните. Они давно были кандидатами на подселение. Пока им везло, но теперь куда денешься? У нас ведь многие подселенцы живут по двое и трое в комнате. Сами понимаете, не ахти… Я Галушко в свое время предупреждал, чтобы были готовы. Так что здесь никаких проблем быть не должно. Все ясно с этим вопросом?

– Вполне, – ответил Сергей, кусая губу.

– Идем далее, – продолжил Кравец. – В ближайшие дни вы должны пройти полный и тщательный медосмотр в нашей больнице. Это строго обязательно для всех. Поэтому с медосмотром не тяните. Ну, и с работой, наверное, тоже. Вам Илья Максимович говорил?

– Да.

– Вы же должны зарабатывать себе на жизнь. Или, может, у вас есть снаружи кто-нибудь, кто может вас материально содержать?

– Где, где? – не понял Сергей.

– Во внешнем мире, – пояснил Кравец. – За пределами резервации.

– Нет никого, – вздохнул Сергей. – Да я и не привык ничего не делать.

– Тогда не оттягивайте. Зайдете к Губину. Это начальник кадрового отдела. Он куда-нибудь пристроит. Ну что, ясны ближайшие планы? – спросил Кравец.

– Планы-то ясны, – сказал Сергей, – зато ничего другого не ясно.

– Сейчас будем разбираться, – Кравец захлопнул одну из папок и убрал ее в стол. Потом он раскрыл какой-то журнал, пододвинул анкету Сергея и что-то списал с нее в журнал. Сергей также заметил, что Кравец в графе анкеты «Регистрационный номер» поставил число 312.

– Итак, м-м, Сергей Иванович Шепилов… – произнес он. – Данные ваши я занес в журнал учета. Ваш регистрационный номер – триста двенадцать. Запомните, или запишите.

– А что это за номер? – спросил Сергей.

– Об этом немного позже, – сказал Кравец. – Итак, вы что-нибудь знаете о нашей резервации? – осведомился он.

– Нет, – ответил Сергей. – Я приезжий.

– Понятно. – Кравец сделал небольшую паузу и посмотрел в окно.

– Почему я не могу выйти отсюда?! – не дожидаясь конца паузы, спросил Сергей. – Я только и слышу о каких-то правилах! Объясните, пожалуйста.

– Конечно, конечно, – Кравец снова повернул голову к Сергею. Авторучка вновь закрутилась в его тонких пальцах. – Скажите, раньше вы не интересовались темой резерваций? Ну, когда о них еще писали в газетах?

– Очень поверхностно, – замялся Сергей. – Можно сказать, что не интересовался.

– Видите ли, – начал Кравец, – любая резервация существует согласно своим собственным законам. Индивидуальным. Можно называть эти законы правилами, нормами или еще как угодно. Мы, например, привыкли называть их принципами. Их пять штук. Первый – принцип четности, – Он стал загибать пальцы у себя на руке. – Второй – принцип полупроводимости, третий…

– Постойте, постойте… – выпалил Сергей. – Я так не запомню. Все сразу…

– Хорошо, давайте я вам запишу, – произнес Кравец.

Он взял второй блокнотный листок и стал торопливо на нем писать. Затем он протянул листок Сергею. Там Сергей прочел следующее: « 1. Принцип четности. 2. Принцип полупроводимости. 3. Принцип перпендикулярности. 4. Принцип разумности. 5. Принцип однократности».

– Гм… – проговорил Сергей.

– Вы видите, что их пять. Замечу, – Кравец поднял вверх авторучку. – Пять известных нам на сегодняшний день принципов. Не исключено, что их больше, просто мы о них ничего не знаем. Так вот. Принципов пять, но главный один. Он – основа основ нашей жизни. Остальные являются как бы вспомогательными… А главный – принцип четности. Суть его, в общих чертах, заключается в том, что резервация сохраняет свою стабильность только при условии, что число людей на ее территории является четным. Это, так сказать, предопределяющий закон. Фундамент своего рода.

Кравец умолк, словно ожидая вопроса, или специально для того, чтобы Сергей смог осмыслить то, что он сказал.

– А зачем?

– Что? – не понял Кравец.

– Зачем это нужно, чтобы число людей в резервации было четным?

– Это такое условие. Оно должно выполняться для сохранения стабильности.

– Стабильность… А…

– Сейчас объясню, – поспешно сказал Кравец. – Вот, допустим, ваш же случай… До вашего появления здесь число человек в резервации было четным, а если точно – тысяча четыреста сорок два человека. С вашим появлением четность нарушилась, и ситуация стала нестабильна. Понимаете?

– Честно говоря, не очень.

– Ну, так заложено в основе принципа четности! Если четно, то стабильно. Все прекрасно, проблем нет. Как только число человек становится нечетным – стабильность исчезает.

– Почему?

– Давайте не будем спрашивать, почему так. Проще считать, что так хочется резервации…

– Ах, да, – сказал Сергей. – Такое правило игры.

– Конечно, – кивнул Кравец. – Это просто реальность, с которой мы вынуждены считаться. Нравится нам это или не нравится…

– Ну, ладно, – сказал Сергей. – Исчезла стабильность… Что из этого следует?

– Вы ведь уже слышали, наверное, о Проходе? Не могли не слышать.

– В общем, да… Ваш мил… э-э… полицейский говорил что-то…

– Появление Прохода как раз и связано со стабильностью. Что означает нестабильность любой системы? – спросил Кравец. – Из физики, вспомните… Что происходит, когда нарушается равновесие? Любая система в этом случае старается вернуться в равновесие, старается вернуть стабильность, понимаете мысль? То есть нестабильность в основе своей не может продолжаться долго. Это временное явление. Вот в чем вся штука.

– Стало быть, резервация сама вернет состояние четности? – предположил Сергей.

– Правильно понимаете, молодой человек, – сказал Кравец, вновь подняв вверх авторучку. – В этом все и дело! Резервация сама вернет состояние четности, – подчеркнул он. – И сделает она это довольно быстро. Несколько часов – и все.

– С помощью Прохода, да? – тут же спросил Сергей. – Резервация образует этот самый Проход, чтобы восстановить четность, я правильно понимаю? Она дает возможность кому-нибудь выйти?

– Не совсем так, – сказал Кравец. – Проход образует не резервация, а тот, кто в нее вошел. Вот вы вошли и нарушили четность резервации. При этом мы получили два явления. Первое: нестабильное состояние в резервации, второе: появление Прохода в Оболочке. Но резервация с помощью Прохода только всего-навсего дает нам шанс. Она, к сожалению, не может заставить никого выйти через Проход или каким-либо образом оповестить об этом.

– Не может?

– Или не хочет. Кто знает? Это нам неведомо.

– Значит, стоит только кому-то выйти через Проход, то он исчезает?

– Потому что восстанавливается четность?

– Конечно. Эти ситуации Оболочка отслеживает мгновенно. Еще ни разу никому не удавалось выйти через один Проход вдвоем.

– Кононов воспользовался вашим Проходом и ушел наружу, – продолжил Кравец. – Четность восстановилась, Проход закрылся, и все вернулось на круги своя. Понимаете?

– Кое-что… – пробормотал Сергей. – А если бы Кононов не ушел? Ну, не видел бы он меня, что тогда? Вы же говорите, что резервация восстановит четность… Тогда я не пойму – каким образом?

– Вот мы и подошли к самому тяжелому вопросу, – с вздохом произнес Кравец. Это и является самым худшим вариантом, когда резервация сама восстанавливает четность. Просто кто-нибудь в резервации умирает. Вот в чем дело, молодой человек.

– Просто умирает?.. – повторил Сергей недоуменно. – Вот так вот просто берет и умирает?!

– Именно так, – подтвердил Кравец. – Видите ли, принцип четности распространяется только на живых людей. Резервации, видимо, проще восстановить четность путем умерщвления кого-нибудь. Дешево и сердито. Вам, может быть, кажется странным, что я говорю об этом так спокойно? Мы привыкли к такому, это наша реальность. Вам тоже придется привыкнуть, и не только к этому, поверьте… Теперь вам ясно, чем плохо состояние нечетности? – спросил он. – Это для нас вопрос жизни и смерти. Для каждого из нас!

Сергей молчал в полном потрясении.

– То, что кто-то при этом умирает – это еще не вся беда, – сказал Кравец с грустью. – Страшно то, что резервация сама решает, кому предстоит умереть.

– Как это – сама?! – ошеломленно сказал Сергей. – Что это значит?..

– А вот так! – Кравец развел руками. – На свое усмотрение. Как она делает свой выбор, мы не знаем. Тайна сия великая есть…

– Что, еще одно правило?

– Скорее – еще одна данность… Это не правило, ибо мы не можем его исполнять. Здесь от нас ничего не зависит. Правило тут другое: не допускать нечетность! Чтоб тем самым не искушать резервацию. Вот и все.

– Хорошенькое дело… – выдавил Сергей.

– Причем, человек умирает без видимых причин, – продолжил Кравец. – Неожиданно и мгновенно. Перестает жить и все. Конечно, при определенной статистике, может быть, и можно было бы вычислить, каким критерием она руководствуется. Или же, наоборот, доказать, что это происходит абсолютно случайно. Но вы понимаете, мы же все-таки стараемся не допустить, чтобы такая статистика накапливалась. Все, что угодно, только не это! В этом и заключается главная задача, – значительным тоном заключил он, – в меру сил и возможностей самим контролировать свою четность, не дожидаясь, пока это сделает резервация. Я хотел бы, чтобы вы это хорошо уяснили. Потому что вам тоже предстоит жить в этих невеселых условиях.

Он замолчал, не переставая теребить свою авторучку. Сергей сидел в оцепенении. Вопросы несметным числом рвались из него, лезли друг на друга, мешали друг другу, и это только сбивало с толку. Он даже не мог сообразить, о чем узнать в первую очередь, и только рассеянно хлопал глазами.

– Поэтому, с одной стороны, – прервал молчание Кравец, – это даже хорошо, что транспортерщик оказался рядом и воспользовался случаем. По отношению к вам он поступил, разумеется, по-свински. Иначе, если бы ни он и ни вы не покинули резервацию, то кто-нибудь из резервистов наверняка не дожил бы до утра. А это было бы значительно хуже, как вы понимаете… Плюс ко всему получился бы серьезный скандал. Подобных случаев не было уже давненько. Все-таки не первый год живем. Вроде, более или менее, научились ситуацию кон-

тролировать. Теперь вы понимаете, почему так опасны в резервации всякого рода незапланированные гости?

– Теперь – да… – произнес Сергей. – Постойте, Владимир э-э… Николаевич, да?.. Вы хотите сказать… в смысле, получается так, что если я… Это чисто теоретически! – поспешно заметил он, – что если я возьму, к примеру, и кого-нибудь убью, да?.. то смогу выйти отсюда?

– Сможете, – не сразу ответил Кравец и пристально взглянул на Сергея. – Вы это действительно теоретически? – вдруг спросил он.

– А вы что, думаете, я серьезно?! – удивленно выпалил Сергей. – Разве вы могли такое подумать?

– А как вы считаете, мог я так подумать или нет, а? – неожиданно сказал Кравец и поглядел на него поверх очков.

Эта фраза сбила Сергея с толку, и он замялся в растерянности.

– Понимаете, дорогой мой, – произнес Кравец с оттенком грусти, – В анкете не зря есть вопросы про тяжелые заболевания, склонность к самоубийству, насилие и так далее. Вы должны четко уяснить для себя, что здесь смерть – это нечто большее, чем смерть. Любая смерть – это нарушение четности, нарушение стабильности со всеми вытекающими отсюда последствиями. И поэтому смерть здесь не принадлежит одному человеку – она принадлежит всей резервации. И отношение к смерти здесь уже иное. Вот в чем дело. Если бы у нашей резервации были входные врата, как у ада, и если бы это было в моей власти – я бы высек над ними надпись: «И жизнь твоя и смерть твоя принадлежат обществу».

– Но это же жутко!.. – сказал Сергей приглушенно. – Жестоко…

– Что поделаешь, – сказал Кравец и отложил, наконец, авторучку. – Кстати, это спорный вопрос: можно ли применять в данном случае нравственные категории. Мы имеем дело неизвестно с чем.

– Ну да… – поморщился Сергей. – Такие правила… Все время забываю.

– Ничего, привыкнете, – сказал Кравец. – Ну что, голова еще не идет кругом?

– Начинает, – признался Сергей.

– Хорошо, – сказал Кравец. – С принципом четности разобрались. Идем далее. Принцип полупроводимости. Его вы уже ощутили на своей, так сказать, шкуре. Суть в следующем. В резервацию зайти можно, обратно – нет. Принципом полупроводимости это явление назвал в свое время, кажется, кто-то из конторских. Видимо, по аналогии с электроникой. Называют его еще принципом «ниппеля». Кому как нравится.

– Я так понимаю, – сказал Сергей, – сюда могло хоть двое, хоть десять человек зайти, да?

– Хоть сто, – согласился Кравец, – Не имеет значения. Вы правы: войти сюда может хоть сколько человек. Это не существенно. Существенно лишь одно: четно число вошедших или нет. Если четно, стабильность не нарушится. В любом случае в резервации станет на сто несчастливцев больше. Только и всего.

– Но почему так? – сказал Сергей с вздохом. – Зачем?!

Кравец слегка недоуменно поднял брови.

– Вы так говорите, молодой человек, – сказал он, – словно это все я придумал.

– Извините, это непроизвольно… – проронил сдавленно Сергей.

– Это же не я согнал сюда ни в чем не повинных людей, – сдержанно продолжал Кравец. – Не я заставил их приспосабливаться к новым условиям жизни. Сам бы все отдал, чтоб узнать, зачем и кому все это надо.

Он вздохнул и сцепил пальцы рук в замок.

– Но не может же быть, чтоб из резервации никак нельзя было выбраться? – проговорил Сергей. – Неужели нет способов?

– Ну, один способ вы уже назвали, – медленно произнес Кравец.

– Я имею в виду приемлемые способы… Разве все так безнадежно?

– Стопроцентной безнадежности никогда не бывает, – ответил он. – И надежда, как известно, умирает последней. Ладно, не будем отвлекаться… Что там дальше?

– «Принцип перпендикулярности», – прочитал Сергей.

В этот момент неожиданно резко заверещал телефон на столе Кравца.

– Одну минуту, – сказал Кравец и снял трубку. – Да. Да… – Было слышно, как в трубке клокочет взволнованная и торопливая речь. Лицо Кравца постепенно приобретало все более озабоченный вид. – Хорошо, – сухо произнес он. – Разумеется, немедленно.

Послышались короткие гудки и Кравец бросил трубку.

– Прошу прощения, молодой человек, – деловым тоном сказал он, – я должен срочно уйти.

Он выскочил из-за стола, на ходу застегивая пиджак, прошел к шкафу с одеждой и стал надевать плащ. Сергей торопливо, с некоторым замешательством поднялся со стула.

– Давайте отложим на другой раз, – поспешно сказал Кравец. – Мне, к сожалению, сейчас некогда. И сегодня, вообще, вряд ли получится. Зайдите на днях. Завтра или послезавтра. Если еще будет необходимость… Суть вы уже знаете, а остальное и по ходу поймете. Среди людей ведь будете, они все расскажут. Но тем не менее, если что-то будет неясно, то приходите.

Вместе они быстро спустились по лестнице и вышли на улицу.

Недалеко от парадного входа, возле дороги Сергей увидел Кирилла и еще одного грузного пожилого мужчину с одуловатым лицом в такой же серой униформе. На ступенях Кравец торопливо сказал Сергею:

– Идите сейчас на квартиру, может кто-то есть дома. В общем, устраивайтесь и привыкайте. Желаю удачи.

Быстро спустившись по лестнице, он крикнул в сторону полицейских:

– Пойдемте, Алексей Петрович!

Грузный мужчина сдвинулся с места, они вместе с Кравцом быстро завернули за угол мэрии и исчезли из виду.

В некоторой растерянности Сергей стоял и держал в руке два листочка: с адресом и с перечнем принципов. Он беспомощно осмотрелся вокруг. Ничего не отличало эти места от любых других в городе. Те же дома, те же улицы и переулки, те же люди, снующие туда-сюда по своим делам… Со стороны перекрестка с транспортером выехал уже знакомый грузовик и свернул куда-то между ближайшими домами. То же солнце светило над головой, те же лужи сверкали отблесками – все было тем же самым. И от всего этого становилось совсем жутко, словно ты с головой окунулся в фантасмагорическое видение, в кошмарный сон, и никак не можешь проснуться… Решимость, возникшая было в нем в те минуты, пока он стоял в туалете, куда-то растворилась, вновь уступив место тупому отчаянию, начинавшему медленно, но верно, нарастать изнутри. Надо было что-то делать, куда-то идти, как-то отвлечься, чтоб не дать этому отчаянию завладеть собой. Сергей глубоко вздохнул, спустился по ступеням и подошел к Кириллу.

– Что-то ты бледный, – сказал Кирилл, внимательно оглядывая его. – Поговорил с Кравцом? Он тебе все растолковал?

– Вопросов больше, чем ответов, – невесело отозвался Сергей.

– Ничего, – сказал Кирилл. – Ответы – дело наживное. Разберешься. Это у тебя что? – Он взял у него листки. – А-а, Галушко… Пойдем, я провожу.

Он увлек за собой Сергея, и они стали пересекать дорогу.

– Стой, – вдруг сказал Кирилл, когда они были посередине дороги, и они остановились. – Ты же не знаешь границ резервации. Я тебе покажу, отсюда просто виднее…

– Показывай, – покорно сказал Сергей.

– Короче, – деловито сказал Кирилл. – Резервация – это почти квадрат. По идее, прямоугольник, но разница в сторонах небольшая… Вот смотри, его стороны… – Кирилл вытя-

нул шею, озираясь. – Значит, первая сторона – вон она… – Он выбросил руку в сторону перекрестка. – Это улица Магистральная, ну по которой ты ночью шел, понял? Грань идет прямо вдоль этой улицы. Это юг. Южная сторона. Уяснил?

– Угу, – сказал Сергей.

– Дальше… Вторая грань идет вон там! – Кирилл махнул рукой в сторону домов, к которым они направлялись. – Параллельно южной. Это, значит, что? Северная сторона. Там у нас железная дорога. Оболочка идет вдоль полотна. Так теперь две другие стороны. За остановкой несколько трехэтажек видишь?

– Сразу за ними, чуть ли не под окнами и идет она, родимая. Видимо, потому что там тоже улица проходит.

– В смысле? – не понял Сергей. – Кто идет?

– Да Оболочка же!.. Проходит тоже вдоль улицы.

– Почему? – спросил Сергей. – Почему обязательно – вдоль улиц?..

– Слушай, – сказал Кирилл сокрушенно, – ты таких вопросов не задавай. Проходит и все. Хочется ей так! Ты на ус наматывай!

– Ладно, – проговорил Сергей. – Валяй дальше.

– Значит, восток у нас находится между Магистральной и железной дорогой, перпендикулярно им… – Сразу за домами, – кивнул Кирилл и развернулся. – Теперь запад. Тоже – между железной дорогой и улицей Магистральной, но подальше отсюда. Во-он там… – Он указал рукой в ту сторону, куда вела дорога, на которой они стояли. – Там сразу за Оболочкой – пустырь, за пустырем – лог. Вот тебе и вся картина… – Он повернулся к Сергею. – Резервация наша невелика по размерам, особенно не разгуляешься. А центр находится как раз там, где стоит вон то здание.

Он показал на серое трехэтажное здание метрах в ста от них и вытащил пачку сигарет.

– Ты, кажется, не куришь? – уточнил он. Сергей кивнул. Кирилл закурил и, глядя на серое здание, со значительностью произнес: – Это наша контора и есть.

– Какая контора?

– А тебе Кравец не рассказал?

– Не успел он…

– А-а… Ну, узнаешь еще. Пойдем, что ли?

Они перешли через дорогу и двинулись в сторону виднеющихся вдали домов, за которыми, по словам Кирилла, проходила железная дорога. По пути они обогнули приземистое одноэтажное строение, на стене которого висела выцветшая вывеска «Магазин».

– Это наш магазинчик, – сказал Кирилл и добавил: – Продуктовый.

За магазинчиком оказался крохотный переулок. На одной из сторон переулка стояло три дома: прямо – два пятиэтажных, и один, четырнадцатиэтажный, виднелся чуть дальше и левее. Они направились к пятиэтажкам.

– Здесь не заблудишься, – пояснил Кирилл. – Жилых домов всего семь штук, не считая частного сектора. А частный сектор там, ближе к логу, на западе.

– А что-за контора, все-таки? – осведомился Сергей.

– Какое-то конструкторское бюро. Ты думаешь, из-за чего все проблемы-то с этим подселением, расселением? Из-за нее миленькой, из-за конторы! Вот не повезло людям…

– Когда образовалась резервация, все это бюро и пролетело. Вместе со своими сотрудниками. Люди же здесь на работе были! Представляешь, такая куча народу без всего осталась? Без семей, без жилья, ну, без всего, по идее… Вот то-то и оно! Пришлось их тогда всех расселять, куда деваться – люди ведь. Они же не виноваты. Да им, прикинь, во много раз хуже, чем местным приходится. – Кирилл сделал паузу. – Так что вот такие дела, Сергей. Если подумать, так не окажись здесь конторы, то и половины наших проблем не было бы.

Они свернули во двор крайней слева пятиэтажки.

– Вот и пришли, – сказал Кирилл и выстрелил окурком в кусты. – А в этом доме я живу. – Он показал на соседний дом.

Они вошли в подъезд. Семнадцатая квартира оказалась на первом этаже. Им открыла невысокая, худая женщина в домашнем халатике не первой свежести. Далеко не юный возраст, зачесанные назад волосы с проседью, узкое бледное лицо.

– Квартира Галушко? – спросил Кирилл.

– Да, – Выражение лица женщины имело оттенок какой-то бесконечной усталости и покорности.

– Позволите войти

– Пожалуйста, – безразлично произнесла женщина и посторонилась, пропуская их в квартиру.

Они оказались в крохотной прихожей. Кирилл негромко прокашлялся и спросил ее:

– Как звать, хозяйка?

Она лишь на долю мгновения удивленно шевельнула бровями, а затем все так же безразлично и тихо ответила:

– Кира Семеновна.

– Очень хорошо, – сказал Кирилл, – Кира Семеновна, принимайте гостя.

– Вон оно что, – произнесла она, бросив мимолетный взгляд на Сергея. – На жительство?

Хозяйка снова посмотрела на Сергея, и он опустил взгляд. Ему хотелось провалиться сквозь пол.

– Что ж… – устало вздохнула женщина, – Значит, все-таки…

– Мы бы, может, вас, Кира Семеновна, не потревожили, – сказал Кирилл, – но случай, понимаешь, неординарный. Человек к нам попал по нелепой случайности.

– А я думаю: «временщик», что ли? – проговорила она после некоторого молчания. Голос у нее был какой-то бесцветный. – Значит, надолго.

– Так что, примите человека, хозяйка, – сказал Кирилл и ободряюще подмигнул Сергею. – Любите его и жалуйте. Он человек хороший. Зовут Сергеем.

– Ну что ж… – снова произнесла женщина с покорностью. – Проходите.

– Ты проходи, – сказал Кирилл Сергею, – а я побег. Дела, дела… Еще увидимся.

Когда дверь за ним закрылась, Сергей тяжело вздохнул и поднял на Киру Семеновну глаза.

– Вы пожалуйста, извините… – выдавил он из себя глухо. – Мне так неудобно перед вами… что вы… из-за меня…

– Чего уж там, – обронила Кира Семеновна. – Раздевайтесь. Проходите в комнату.

– Спасибо, – сказал Сергей и стал расстегивать плащ.

Она прошла в комнату, сильно сутулясь и шаркая ногами. Раздевшись, Сергей робко последовал за ней. Убранство большой комнаты оказалось небогатым. Старенький диван, стенка, телевизор, пара стульев и вытертый в нескольких местах палас на полу. Дверь во вторую комнату была прикрыта.

Сергей присел на край дивана и втянул голову в плечи. Он не знал, что сказать этой женщине. Спрашивать ее ни о чем не хотелось. Он стал тупо разглядывать цветастый узор на обоях.

– Мне сейчас нужно идти в больницу, – заговорила она. – Я вас тут одного оставлю. Потом к мужу на гаражи зайду, предупрежу и вообще… Вечером надо будет комнату освобождать, вещи уберем кое-какие. Раскладушка у нас есть, вы на это уж не тратьтесь, нам она все равно ни к чему. Надо будет только вам со Славкой кровать Сашкину вытащить из комнаты. Да стол еще письменный… Сам-то муж не раньше четырех придет с работы.

– Мне правда неловко, что так получилось… – начал было Сергей угрюмо.

– Ох, да не извиняйтесь уж вы! – негромко перебила его Кира Семеновна все тем же бесцветным тоном. – Вы то ведь тоже, небось, не виноваты… Как же вас к нам угораздило?

– Чистая случайность, – пробормотал он. – Ночью… темно… – Он вздохнул. – Сам до сих пор поверить не могу. По-дурацки все вышло…

– Я поначалу подумала, что вы по договору…

– Не понимаю, – сказал Сергей. – Это еще как?

Она не ответила, помолчала немного, затем, покачав головой, сказала:

– Я пойду переоденусь, мне в больницу сходить надо. Спина что-то опять разболелась.

Она стала собираться, снуя туда-сюда по квартире, периодически скрываясь за дверями второй комнаты. Сергей неподвижно сидел на диване. Рассматривать обои надоело, и он стал глядеть сквозь окно в небо. Голова раскалывалась.

Перед уходом Кира Семеновна разъяснила ему, где находится туалет, ванная, и холодильник. Можно, если хотите, включить телевизор, а если куда пойдете, то просто захлопните двери… Он поблагодарил ее и попросил таблетку анальгина.

Когда она ушла, Сергей подумал о том, что сегодня все, с кем он встречается, почему-то куда-то спешат и исчезают, словно связанные между собой неким тайным сговором. Будто бы все так и норовят оставить его наедине со своими томлениями и терзаниями. Настенные часы показывали пятнадцать минут двенадцатого. Время в это утро тянулось ужасно медленно.

Он потащился на кухню. Там он нашел в сушилке чашку, налил из чайника воды, поморщившись, разжевал таблетку, запил ее и приблизился к окну. Из него открывался вид на соседний дом, утопающий в зелени деревьев и кустов акации. Двор был пуст и тих. Сергей постоял немного у окна, глядя на шевелящуюся от легкого ветерка листву деревьев, затем побрел обратно в комнату.

С полчаса он приводил себя в порядок: погладил одежду, умылся. Очень не хватало зубной щетки и бритвы. Когда он выходил из ванной, во входной двери завозился ключ, замок клацнул, и кто-то бодро вбежал в квартиру.

– Ма-ам!.. – раздался высокий голосок.

Сергей вдруг подумал, что сейчас ребенок войдет и, увидев его, заорет от страха, и придется его успокаивать и объясняться и, может быть, снова извиняться. Но ничего этого не произошло. В комнату зашла худенькая сероглазая девчонка лет тринадцати-четырнадцати в джинсовом костюме. В руках она сжимала несколько тетрадок.

– А где мама? – спросила она после мимолетного разглядывания Сергея.

– В больницу ушла, кажется, – проговорил Сергей. – Полчаса часа назад.

– А-а… – протянула девчонка и положила тетради на стол. – Поня-ятно…

Она присела на стул возле стола и сложила перед собой руки.

– Тебя Сашей зовут? – спросил Сергей.

– Ага, – Она уставилась на него испытывающе. – Вы откуда знаете? Мама сказала?

– Мама, мама… – сказал он. – Видишь ли, Саша… Меня к вам, как бы это сказать, направили, что ли.

– Вы жить у нас будете?

– Ну… В общем, да.

– Поня-ятно… – снова сказала Саша. – А вы в этой… как ее… в конторе работаете?

– Нет, я сам по себе.

Она немного помолчала, хлопая большими черными ресницами, а потом спросила:

– А вы в моей комнате будете жить, да?

Сергей заерзал на диване.

– Наверное… – заставил себя произнести он.

– Понятно.

– Так получилось, Саша, – сказал он, чувствуя огромную неловкость.

Встав с дивана, он опять подошел к окну и снова стал разглядывать двор. Господи боже, думал он тоскливо. Ну, неужели это не сон?

– А у нас уже жил один, – сказала Саша. – Только это давно было. Еще в самом начале. Потом куда-то делся. Может, вышел – не знаю. Но я его не видела больше. А мама когда придет?

– Не знаю, – отозвался Сергей. – Она еще куда-то хотела зайти.

– А нас с математики раньше сегодня отпустили. К Николаю Олеговичу мама приехала. Завтра, наверное, он опять конфет принесет… Она всегда, как приезжает, всяких сладостей ему привозит, а он нас потом угощает.

– Подожди… – не понял Сергей и повернулся к ней. – Как – приезжает?

– Очень просто, – сказала Саша. – Как ко всем. К вам разве никто не приезжает?

– Ну, вообще-то, я тут только первый день…

– А-а… Ну, потом-то будут ведь приезжать! Вы же не один, наверное? Вас же будут папа с мамой навещать. Или жена… У вас есть жена?

– Есть, Саша, есть, – торопливо сказал Сергей. – Ты погоди… Объясни-ка, как они сюда попадают?

– Кто? – не поняла она.

– Ну те, кто приезжают… Которые навещают.

– Да они же не попадают… – слегка растерявшись, произнесла Саша. – А зачем им сюда попадать? Вы что?! Они же потом не выйдут!.. – Она даже приоткрыла рот и улыбнулась.

– Александра, ты уж извини, – сказал Сергей. – Я тут человек новый, и порядков ваших совсем не знаю. Ты не очень удивляйся, если я какую-нибудь глупость вдруг спрошу, ладно?

Она глядела на него и удивленно хлопала ресницами.

– Как же они встречаются? – спросил он. – Или я чего-то не понял?

– Ой, да не поняли, конечно! – воскликнула она. – Вы никогда разве не видели?.. А, вы же первый день – я забыла… Просто стоят и разговаривают! На улице. И плачут еще иногда. Женщины, особенно. Знаете, как жалко?

– А передачи, стало быть, через транспортер… – себе под нос проговорил Сергей.

– А? – не расслышала Саша.

Он не ответил.

– К нам тоже иногда Женя приходит, – продолжала Саша. – Это мой брат. В городе живет, совсем отсюда недалеко, возле театра. Знаете, такие там зеленые дома? Они там уже лет шесть живут. Мама тоже сначала все плакала, а потом привыкла. А вы зачем к нам попали? – вдруг спросила она. – Специально?

– Нет, Саша, не специально, – грустно ответил Сергей. – Я по глупости у вас очутился. Знаешь, бывают в жизни глупые-преглупые случаи. Вроде никто не виноват, а выходит такая ерунда… Хоть стой, хоть падай.

– А-а, знаю, – оживленно откликнулась она. – У нас тоже один глупый-преглупый случай недавно был! Мне Димка из нашего класса рассказывал… Ой! – неожиданно воскликнула Саша, посмотрев на часы. – Мне же в школу надо! Я на физику опоздаю! Я же у мамы только спросить хотела…

Она сорвалась со стула и упорхнула в коридор. Ну вот, еще одна убегает, подумал невесело Сергей.

– А скажете маме, что я после уроков к Кате зайду, ладно?! – крикнула Саша и, не дожидаясь ответа, выскочила за дверь.

В квартире снова наступила тишина. Сергей присел на подоконник и уперся лбом в стекло. Он видел, как вприпрыжку выбежала из подъезда Саша и умчалась по переулку. Перед домом, в песочнице объявилась молоденькая мама с мальчиком лет четырех. Малыш возился с песочными формочками и ведерками, а женщина сидела неподвижно и безразлично смотрела вдоль улицы, покручивая в руках совок. Все было тихо, мирно и спокойно. Господи,

подумал Сергей, они же здесь все к этому привыкли! И никому из них не будет дела до моего положения, и тем более, до моего состояния. Так, не более чем праздный интерес… О, глядите: к нам попал новенький! Как же вы так, батенька, невнимательно? Как же вы так неуклюже? Ай-яй-яй… Не повезло вам, молодой человек, но не отчаивайтесь. А у нас тут вот видите как. Несладко, конечно, но жить можно. Видите, живем же, так сказать, плюхаемся – чего и вам желаем. Так что привыкайте, утрите нос, обсыхайте, обтекайте и плюхайтесь, молодой человек. Плюхайтесь с нами, плюхайтесь как мы, плюхайтесь лучше нас… «Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться…» Так, что ли? Эх, Гамлет, Гамлет, твоя правда…

Откуда-то появилась муха и стала биться о стекло возле самого его уха. Она предпринимала героические попытки вырваться одну за другой, она отчаянно жужжала и неизменно, раз за разом, натыкалась на стеклянную, невидимую преграду. Сергею это показалось настолько символичным, что он криво ухмыльнулся. Неужели, это ты, родной, сказал он себе, слушая периодические мушиные взвизги и щелчки о стекло. Очень похоже, но ведь должна же, черт возьми, существовать разница! Я же, в конце концов, не муха! Этому глупому созданию не хватает чего-то в организме, чтоб подумать, отлететь, осмотреться… Она будет целую вечность долбиться башкой об это стекло, до самого своего конца, хотя открытая форточка совсем рядом. Но нет, она будет делать одно и то же, раз за разом, даже не пытаясь эту форточку искать и наивно полагая, что все изменится само собой в один прекрасный миг. Но ведь я же не муха, снова подумал он, и его вдруг на некоторое время охватила злость. Я же чем-то отличаюсь! Вернее, должен отличаться. Должен… Я пока почти ничего не знаю об этой вашей чертовой резервации, но я узнаю! Я все узнаю и выберусь отсюда. Я так просто не сдамся. Это они сдались, они смирились, они привыкли… Но только не я. Я буду бороться, буду… Я не верю, что отсюда нельзя выбраться. Это только мухам нельзя, а я – не муха! И я найду свою форточку, черт бы ее побрал! Где бы она ни находилась, и чего бы мне это не стоило… Потом злость схлынула, ушла. Постепенно Сергей впал в состояние прострации. Он отрешенно глядел на листву за окном, отключившись от мыслей. Он просто сидел и слушал похожие на удары метронома бесчисленные мушиные попытки пробить непробиваемое, а время медленно растворялось и теряло свой ход.

Около трех часов дня, посетив предварительно кассу мэрии, с пакетом в руках он вышел из промтоварного магазина, что находился на южной стороне резервации, в первом этаже дома, выходящего окнами прямо на улицу Магистральную. В пакете лежали комплект постельного белья, полотенце и прочие туалетные принадлежности. Настроение у него было унылое. Совсем недалеко отсюда располагался злополучный транспортер и будка.

Сергей стоял, и снова перед ним была она – эта треклятая сетка, простершаяся вдоль дороги всего в каких-то двух десятках метров от магазина. Она была всюду, и справа и слева, она будоражила своим присутствием, от нее нельзя было отмахнуться, про нее нельзя было забыть, казалось, она и стоит тут больше для того, чтоб постоянно напоминать здешним обитателям о навалившемся на них катаклизме. Неожиданно для самого себя Сергей вдруг двинулся прямо на сетку, стиснув зубы и кулаки. Может быть, где-то в глубине души он надеялся, что сейчас произойдет чудо, и дьявольская Оболочка исчезнет, чары развеются, и резервация выпустит его из своих объятий. Ну, вдруг что-нибудь такое там сработает, переключится, отменится… Вдруг… Но чуда не случилось. Примерно на полпути к проволочному ограждению его снова, как утром, охватила беспричинная тревога, очень быстро сменившаяся страхом. Сергей сжал в руках пакет с тряпьем и сделал еще пару шагов. И опять, словно в приоткрывшуюся дверь, мощным потоком хлынуло в душу щемящее уныние и стало быстро заполнять все его существо. Ноги задрожали, и он чуть не выронил свои покупки. Заскрежетав зубами, он медленно отступил на шаг. Потом еще на один. Жуткая волна схлынула, откатилась и затаилась,

готовая в любой момент наброситься снова. Сердце гулко колотило в груди, в ушах шумело, а под коленками ощущалась противная слабость.

– Будь ты проклята!.. – прорычал бессильно Сергей и задрал голову к небу, словно ища там утешения или ответа.

Но в небе беспечно, будто издеваясь, светило майское солнце.

Как же, должно быть, паскудно жить вот в этом, к примеру, доме с окнами на сетку, мрачно думал он по дороге. По несколько раз в день видеть бьющую ключом чужую жизнь совсем рядом, в каких-то двух шагах, и понимать, что эта жизнь не для тебя, что она – это тот локоть, который никак не укусишь. Изо дня в день наблюдать окружающий мир через эту идиотскую проволоку. Они же здесь, в резервации, как звери в зоопарке. Только зверям гораздо лучше, звери не так разумны, а следовательно, не так страдают…

Эта его вторая встреча с Оболочкой, хотя и была кратковременной, все же оставила после себя след. Несмотря на то, что сердце успокоилось и дрожь в конечностях унялась, настроение полностью пропало. Он опять был раздавлен, размазан, одернут, посажен на место… Он брел совершенно машинально, опустив взгляд под ноги, не глядя по сторонам и не понимая, куда идет. Внимания хватало только на то, чтоб кое-как успевать поправлять под мышкой пакет, так и норовивший выскользнуть и шлепнуться в ближайшую лужицу. Когда он в очередной раз попытался вывалиться, и Сергей, пресекая эту попытку, едва не растянулся на асфальте, он, наконец, поднял глаза и обнаружил себя вблизи от какого-то заведения. Над его раскрытой дверью болталась вывеска «Бар «Мирок».

У входа никого не было. Из недр заведения доносилась приятная размеренная музыка. Бар располагался с торца старого трехэтажного кирпичного дома. Прямо через дорогу, метрах в ста виднелось здание мэрии. На этот раз на ступенях парадного входа мэрии и рядом переминалась, перекуривала и гомонила довольно разношерстная и значительная масса народу. Здесь были и люди в спецодежде, и люди без спецодежды, и какие-то чиновники, и очень много детей. Сергей пересек дорогу и приблизился к толпе.

Люди говорили о самом разном: о долгожданных переменах в погоде, о том, что в магазин привезли новую партию товаров, но с тем же самым осточертевшим ассортиментом, об очередном сворачивании какого-то заказа, о том, что кого-то ограбили на днях вечером у подъезда, и это не первый случай в этом году, о том, что введение какого-то нового налога ударит прежде всего по конторским, что бюджет резервации – не резиновый, как бы страстно этого кое-кому не хотелось, что некоторые фигуры в руководстве резервации очень прохладно относятся к предстоящим выборам, о том, что надо поднять вопрос о недопустимости входящей в моду в последнее время привычке отключать электроэнергию, во время показа фильма, о том, что пора бы столовским работникам перестать так явно и неприкрыто приворовывать, словно на них нет управы… и еще о многих, многих прочих вещах, часть из которых Сергей понимал не до конца, а некоторые – и вовсе. Он впрочем, особенно и не старался вникнуть в смысл того, что доносилось до его ушей, а слушал с некоторым безразличием, и все время в голове крутилась мысль: «Неужели все эти проблемы станут скоро моими? И я, так же как они, буду приходить сюда в обеденный перерыв, на эти ступени и перемывать кому-нибудь кости? Изо дня в день?..» Потом в голову вдруг пришла мысль о баре. Надраться, что ли, подумал он. От такого решения его останавливали последствия вчерашнего возлияния да то обстоятельство, что вечером еще предстоит утряска дел с семейством Галушко. Однако возвращаться на квартиру сейчас у него не было ни малейшего желания. Зайти подумал он, посидеть, музыку послушать… Музыка всегда помогала ему отвлечься от мрачных мыслей, и скоротать, бывало, часок-другой. Не выгонят небось… Будем считать это продолжением экскурсии.

В баре оказалось довольно уютно и ухожено. Сразу было видно, что здесь есть хозяин. По всей видимости, раньше тут располагались служебные помещения, но потом кто-то заботливо произвел тут перепланировку, сделал капремонт, переделал интерьер – словом, прило-

жил руку. И это получилось у него очень даже недурно. Внутреннее убранство бара «Мирок» имело свой стиль и было исполнено со вкусом. Стены были отделаны панелями древесного цвета, с потолка свисали две люстры в деревянном обрамлении, в зале располагались несколько квадратных столиков, тоже в деревянном исполнении. Правда стулья возле столов были самые обычные, но их обивка была подобрана под цвет, и они не нарушали целостности картины. Напротив стены с окнами, выходившими на мэрию, простерлась длинная стойка, за которой находилось все то, что должно быть за стойкой. Бар оказался пустым. Даже за стойкой бармена никого не было. Медленно и негромко лилась откуда-то успокаивающая инструментальная музыка. Пахло выпечкой.

Сергей, озираясь, прошествовал через зал к одному из столиков в углу. Там он устало опустился на стул и запихнул под него пакет с бельем. Будем слушать музыку и созерцать интерьер, подумал он, а то так и с ума недолго сойти со всеми этими делами. Он облокотился на стол и стал рассматривать его коричневую, шероховатую поверхность. Через несколько минут, когда стихла мелодия и наступила пауза, он случайно поднял глаза. Из-за стойки за ним внимательно наблюдал человек.

– Добрый день, – тихо произнес Сергей, выпрямляясь на стуле.

Человек за стойкой слегка шевельнулся, затем вышел из-за стойки и приблизился к его столику. Это оказался высокий широкоплечий мужчина с аккуратной бородкой, усами и баками, тронутыми сединой. С виду ему было сорок с небольшим. Выпуклый лоб был густо изборожден морщинами, а светло-серые глаза смотрели не то с грустью, не то с усталостью. На нем были джинсы и белая трикотажная рубашка с короткими рукавами. Он отодвинул стул, сел напротив Сергея и положил перед собой увесистые кулаки. Когда он садился, Сергей заметил на его макушке легкую лысину.

– Меня зовут Сергей, – представился человек. – Фамилия – Барков. Но фамилия не нужна. Я хозяин этого заведения. Точнее, я и моя жена.

– Очень приятно, – отозвался Сергей. – Меня тоже.

– Что – тоже? – вскинул брови хозяин заведения.

– Зовут Сергеем.

– А-а… Это я одобряю, – произнес Барков значительно. У него был красивый баритон.

– Уютно тут у вас, – признался Сергей. – Только почему пусто?

– Вообще-то, в это время у нас мертвый час. Не так давно обед был… Хотя бывает народ и это время ходит. Ты давно в резервации? – вдруг спросил Барков.

– Совсем недавно, – начал Сергей с вздохом. – У меня к вам большая просьба…

– Нет-нет! – хозяин заведения покачал пальцем. – Не надо называть меня на «вы». Договорились, Сергей? Мы же тезки! Это, во-первых. А во-вторых, это у нас вообще не принято. Наверное, эффект замкнутого сообщества. Есть, правда, некоторые исключения, кое-какие люди, должности там… Но ко мне это не относится. Ну, что ты хотел? Говори.

– Значит, просьба такая, – сказал Сергей. – Не расспрашивай меня сейчас, ладно? Я от этих расспросов уже устал. У вас всего несколько часов, а только и объясняю всем… Тоже эффект замкнутого сообщества, видимо. Надоело.

– Ради бога, – согласился Барков. – Ты расскажешь о себе, когда сам того захочешь. Только по твоему потерянному виду я заключаю, что ты попал к нам не по своей воле.

Сергей с непониманием взглянул на него.

– Разве сюда можно попасть по своей воле? – недоуменно проговорил он.

– Сюда можно все, – заявил Барков, ухмыльнувшись в усы. – Итак, – объявил он после некоторой паузы. – Хочешь есть? Выпить? Тебе, как вновь прибывшему, да к тому же моему тезке – за счет заведения. Так как? Наверняка же голоден.

Сергей молча помотал головой.

– Ну, выпей.

– Да не полезет…

– Слушай, тезка, – участливо сказал Барков, – Я дам тебе совет. Бесплатно… Хочешь? Прощу прощения. – Он внезапно поднялся.

В баре появились двое посетителей. Хозяин заведения торопливо отправился к своей стойке. Посетители забубнили что-то про кофе, коньяк, пирожки и тому подобное. Один из них громко похохатывал и называл хозяина Сержем. Сам Барков деловито позвякивал чем-то за стойкой, тоже что-то бормотал, затем музыка стала звучать чуть громче. Запахло сигаретным дымом. Вскоре в заведение вошел еще один человек. Чтобы больше не ловить на себе надоевшие любопытствующие взгляды, Сергей опять облокотился на стол, уткнулся лицом в ладони и стал слушать музыку. Похоже было, что звучала какая-то насквозь музыкальная радиостанция. Мелодии поплыли друг за другом – одна, вторая, третья… Они сменяли друг друга без всяких пауз и объявлений. Сергей постарался расслабиться и раствориться в музыке. Благо, гомон посетителей был не так громок и не отвлекал. Музыка все-таки смогла увести его за собой на какое-то время, и они остались с ней одни – только он и звук… Он довольно давно выработал у себя эту способность отключаться от окружающего мира с помощью музыки, и она в очередной раз выручала его. Изредка он поглядывал на то, что происходило в баре, совсем впрочем, отстранено и безучастно. Кто-то приходил, гомонил, уходил, подсаживался к столикам, вставал из-за них, но лиц не существовало, как не существовало и голосов. Он даже не обратил бы внимания, если бы кто-то подсел к нему за столик – но этого не произошло. Так миновало, наверное, около часа. К действительности его вернул хозяин бара. Он возник рядом, похлопал Сергея по плечу и поинтересовался:

– Не спишь, братец? Медитируешь? На вот, возьми, – Барков поставил перед ним широкий и низкий бокал, в котором плескалась янтарная жидкость, а рядом выложил крупное желтое яблоко.

Сергей в раздумье перевел взгляд на бокал.

– Пей, – повелительно сказал Барков. – Это коньяк. Хороший. Только на пользу. Разглаживает морщины в душе.

Да и черт с ним, безразлично подумал Сергей. Стараясь не вдыхать запах, он в два глотка осушил бокал, потом откусил яблоко и стал медленно жевать. Жгучая теплота стала быстро спускаться по пищеводу. Барков удовлетворительно кивнул.

– Ты только музыку не выключай, – попросил Сергей. – И не меняй станцию… Очень хорошо идет. Ладно?

– Конечно, – понимающе произнес Барков в усы. – Главное – не отчаивайся, Серега. Сначала, естественно, тяжко… Но привыкнешь. Хочешь принесу пирожков? Я угощаю.

– Не надо пока…

Было в этом человеке что-то такое притягивающее. Он словно излучал волны доброжелательности.

– Гляди, – сказал Барков, пожимая плечами. – Если что – подходи.

Он снова удалился обслуживать посетителей. Из-за стойки он подмигнул Сергею и еще немного прибавил звук. Сергей отвернулся к окну и, доедая яблоко, стал смотреть на улицу. Там за стеклом была все та же мэрия, все та же дорога. Все тот же перекресток с транспортером виднелся невдалеке – все было то же самое. Какие-то люди изредка проходили по улице: кто неторопливо и задумчиво, кто спешно и суетливо; снова прогрохотала грузовая машина, несколько раз на крыльце мэрии мелькнули люди в полицейской форме, кто-то выходил на крыльцо покурить, периодически группками туда-сюда сновали дети… И это будет продолжаться и завтра, и послезавтра, думал он, и год, и два и вечность… Кто сказал, что это когда-нибудь закончится? Так что, родной, расслабься, привыкай, как тебе все советуют, и получай удовольствие. Какое-то время он тупо и безучастно созерцал происходящее за окном, затем прислонился к стене, прикрыл глаза и вновь отключился, ведомый музыкой. Так прошло еще

довольно много времени. Пару раз кто-то невидимый и далекий, ощущаемый лишь по голосу, доносившемуся словно из другой комнаты, интересовался чем-то у Сергея, но он не реагировал и даже не открывал глаз. Справедливости ради, надо заметить, что назойливости ни с чьей стороны он не ощутил, даже чье-то участливое легкое прикосновение, также оставшееся без всякого внимания, немедленно растворилось в небытии. Но ничто не длится вечно, и в какой-то момент музыка стала заметно стихать, а гомон в баре – усиливаться. Тогда Сергей открыл глаза.

Посетителей прибавилось: их было уже около десятка, раскиданных мелкими кучками по столикам. Соответственно прибавилось работы у бармена. Теперь рядом с ним уже мелькала женщина средних лет. Помещение неумолимо заполнялось запахом табачного дыма и чего-то жареного. Сергей тяжело поднялся из-за столика. Пора было возвращаться в новообретенный дом. Он вытащил пакет с покупками и вышел на улицу.

Времени было около пяти. Не хотелось больше ничего ни у кого спрашивать и выяснять. По крайней мере, сегодня. Хотелось лишь. И еще очень хотелось очнуться вдруг, спустя некоторое время, без этого мерзкого ощущения безысходности и тоски, без этих парализующих разум эмоций, мешающих трезво мыслить и анализировать ситуацию непредвзято. Глубоко вздохнув, Сергей обхватил пакет, и, потупившись, побрел на улицу Солдатова, дом шесть, квартира семнадцать.

Хозяин семейства Галушко оказался таким же ссохшимся и маленьким, как его жена. Он предстал перед Сергеем в потрепанном трико и повидавшей виды рубашке, имел всклокоченный и небритый вид, к тому же от него здорово несло водкой и луком.

– Проходи мил человек, – сиплым голосом заговорил он, провожая Сергея в комнату, когда тот разделся. – Как звать-величать?

– Меня зовут Сергей, – ответил Сергей.

– А меня – Славка, – сказал Галушко. – А это моя супруга, Кира Семеновна. – Он махнул рукой в сторону кухни, откуда доносился шум воды.

– Мы уже знакомы, – сказал Сергей. – И с дочкой тоже.

– С Сашкой!? – почему-то изумился Галушко и всплеснул руками. – Сашка, ну-ка, поди сюда!

– Не трогай ее, Христа ради! – послышался из кухни голос Киры Семеновны. – Пусть она занимается, у нее завтра контрольная. Выносите лучше вещи.

– Цыть! – беззлобно прикрикнул Галушко. – Будешь указывать, женщина!.. Серега, ты садись на диван, чего встал?

Сергей сел, Галушко пристроился рядом. Саша сидела на противоположном конце дивана с учебником в руках и, казалось, была всецело поглощена подготовкой к занятиям.

– Серега, давай-ка это дело спрыснем, – проговорил Галушко, и у него в руках возникла невесть откуда взявшаяся бутылка водки.

– Извини, но я не хочу, – покачал головой Сергей. – Я очень устал.

– Да за знакомство-то грех не выпить! – Галушко закрутил тощей жилистой шеей и часто заморгал своими выцветшими невзрачными глазками.

– Не приставай ты к человеку, господи! – донеслось опять из кухни. – Ему отдохнуть надо, привыкнуть… А ты сразу с бутылкой лезешь! Не успеешь, что ли?

– Я сказал: цыть! – Галушко слегка притопнул ногой и посмотрел на Сергея. – Ну, погнали? По малой, ага?

– Нет, – твердо сказал Сергей.

– Вещи вынесите! – сквозь шум воды выкрикнула Кира Семеновна. – Пусть человек отдохнет. Ночью, что ли, таскать будете?

Галушко раздосадовано вздохнул и пожал плечами.

– Ну, давай выносить, елки зеленые… Вот бабы вечно лезут, когда их не просят.

Они стали выносить вещи. Из маленькой комнаты в большую перекочевали: детский письменный стол, кушетка, пара полуразвалившихся стульев, несколько пыльных коробок и мешков. Нетронутыми остались ковровая дорожка ядовито-зеленого цвета, книжная полка на стене, да трехстворчатый шифоньер у самой двери по причине своей фундаментальной громоздкости и отсутствия места во второй комнате.

– Вы уж нас поймите, – слегка сконфужено пояснила Кира Семеновна. – Если хотите, может, какую занавеску сделать, чтоб вас не беспокоить? Да мы, вообще-то, не часто в шифоньер-то лазаем… Сами видите – некуда его приткнуть.

– Пустяки, – проговорил Сергей. – Не обращайте на меня внимания.

Они стояли посередине опустевшей комнаты и молчали. После некоторого задумчивого оглядывания Кира Семеновна сказала:

– Славка, стул один оставим ему, наверное? Хоть будет на что одежду сложить, так ведь?

Галушко без колебаний согласился и тут же приволок один из стульев обратно. Затем Кира Семеновна загнала его в чулан, что находился где-то в прихожей, и он, некоторое время там чем-то громыхал и матерился, но, наконец, вернулся обратно с видом победителя и драной раскладушкой в руках.

– Во! – сказал он радостно. – Жить можно!

Потом они, кряхтя, долго передвигали и расставляли вынесенную мебель в другой комнате и распихивали по углам и закуткам хозяйское барахло. Во время этой церемонии Галушко предпринял еще две попытки подбить Сергея «пройтись по водовке», но тот был тверд как скала, что в немалой степени удивило хозяина. Когда они закончили, Сергей ушел теперь уже в свою комнату, прикрыл дверь, и разложил скрипучую и дряхлую раскладушку.

От всех этих перетаскиваний, сегодняшних переживаний, стрессов и ночи, проведенной не лучшим образом, он заметно устал. У него даже слегка засосало под ложечкой. Он подумал, что будет в состоянии, наверное, уснуть. Останавливало одно – уснув сейчас, он рисковал проснуться очень рано. Времени было восьмой час. Сергей прилег на захрустевшую раскладушку и прикрыл глаза. Давненько я не леживал на раскладушках, невесело подумал он. С полчаса его никто не беспокоил. Потом раздался робкий стук, и появилась хозяйка. К удовлетворению Сергея, она дала ему старенький матрац и подушку, очевидно, из того же чуланчика. От вещей здорово несло смесью чего-то залежалого и затхлого. Порывшись в шифоньере, Кира Семеновна нашла для него одеяльце, что практически снимало все первичные проблемы. Пока он разбирался с постельным бельем из магазина и застилал раскладушку, за спиной незаметно возник Галушко. Он сопел и в руках держал уже известную бутылку, на одну треть опустошенную, и небольшой граненый стаканчик. Один глаз его был наполовину хищно прикрыт. Сергей с вздохом присел на раскладушку и воззрился на Галушко. Хозяин дома громко причмокнул и произнес:

– Мне мужики в бригаде все говорили: чего это у тебя, Славик, подселенцев ни одного нет? Что ты, мол, лучше всех, что ли! Все чего-то недовольны…

Галушко сделал паузу, и Сергей подумал, что он ждет какого-нибудь ответа. Однако хозяин семейства продолжил, размахивая бутылкой перед его лицом:

– Не, ну на самом деле, Серега… Ты сам подумай, у нашенских, у всех почти что, кто-нибудь из конторских живет. У Витька только нет! Но ему-то еще куда, если они вчетвером… или впятером… не-не, вчетвером, вчетвером!.. в одной комнате живут. Ты сам подумай, ну куда ему?! А, да еще у Мишки нет… Точно. У него жена парализованная! Вот… А кто ее тут вылечит, скажи, мил человек? Этот доктор наш, что ли? Как у него фамилия-то, черт… На «у» вроде бы… Он же не знает ни фига, это же тебе не насморк, да и на кой ему это надо?! Дурак он разве пуп-то рвать, ежели он один на всю резервацию. А попробуй отправь ее, жену-то Мишкину, наружу, так такой хай подымут, не отмоешься ни в жизнь. Да, Мишка и сам

не хочет. Кто за ней будет смотреть, ухаживать, горшки всякие, туда-сюда?.. Еще и неизвестно, вылечат – не вылечат. А у них, по-моему, и родных-то снаружи нету…

Он утих на миг, придвинул поближе стул и сел напротив Сергея.

– А они мне, короче, всю дорогу говорят, ты че, Славка, самый хитрый, да?! – Он развел руками так, что чуть не выплеснул содержимое бутылки. – А причем тут я, Серега?! Что я виноват, коли ко мне никого не подселили, а?! Не, сам подумай, я-то тут причем? Я им тоже постоянно говорю: «Мужики, причем тут я?» Я что, должен сам пойти и попросить, чтоб мне в квартиру кого-то подселили?! Нет, ну что, должен, что ли? Но теперь все железно! – заявил он значительно и даже выпятил грудь. – Кто теперь придерется? Никто! Да ты мужик-то вроде ничего, Серега… Только вот тебе надо выпить, елки зеленые!

Сделав такое резюме, он решительно налил чуть не полстакана водки и протянул Сергею. Сергей отрицательно помотал головой, но стакан продолжал парить перед лицом. Помня о том, что борьба с занудством тяжела и малоэффективна, он был уже почти склонен выпить эту водку, лишь бы Галушко отвязался. Но хозяин опередил его на несколько секунд.

– Гляди, я два раза не предлагаю… – сказал он поразительную фразу и махом осушил стакан.

Затем, посопев и отдышавшись, он произнес:

– Я вначале думал ты из конторских… а потом Кирка сказала, что ты не их, и вообще откуда-то снаружи! Я даже удивился сначала, во дела-то, думаю! Ладно, хоть не конторский… Если признаться, я их не люблю, Серега, – проговорил Галушко и поморщился. – Да их мало, кто любит! Дармоеды – одно слово… Слушай, а чего все молчишь? – неожиданно удивился он. – Устал, да? Понимаю, понимаю… Отдыхай, мил человек. Но мы все равно с тобой выпьем, – заявил он твердо. – Это даже не вопрос.

Галушко встал со стула и его качнуло. При этом взглядом он зацепил угол возле окна.

– О, чемодан! – изрек он многозначительно и сдвинул брови. – Чуть не забыли… Это ж мой…

Он поставил бутылку и стакан на пол, подошел к окну, наклонился, откинул штору и выволок на середину комнаты небольшой черный поцарапанный чемодан, покрытый толстым слоем пыли.

– Серега, это ж мой рыбацкий чемодан… – прокряхтел Галушко с гордостью. – Я, между прочим, рыбак, елки зеленые! Не хухры-мухры там… Глянь-ка.

Он почему-то стал расстегивать чемодан на весу, и это у него получилось неудачно. Содержимое высыпалось на пол, породив облако пыли и череду ругательств.

– Тьфу ты! – сказал Галушко, бросил чемодан на пол, присел рядом с кучей и стал собирать вывалившуюся утварь обратно.

Там была масса всевозможных рыболовных снастей; какие-то крючки, мотки, блесна, мормышки, баночки-скляночки и прочие причиндалы. Среди этой рыбацкой атрибутики почему-то лежала помятая, черная общая тетрадь, явно не вписывающаяся в стилистику чемодана. Галушко кряхтел и бормотал что-то под нос, укладывая рассыпавшиеся предметы, и ненадолго замирал над каждым, любовно покручивая его в руках, и вероятно, вспоминая при этом свое насыщенное красками жизни рыбацкое прошлое.

– Э-хе-хе… – ностальгически вздохнул он. – Серега, а ты не рыбак?

– Увы, – ответил Сергей.

– Жаль, – произнес Галушко. – Если б ты был рыбак, ты бы меня понял! Какие были времена, а!.. Вот ведь! До этой е… ой резервации, мать ее! Тут у нас такие места!.. Какие-то гады и сейчас по ним ходят, рыбачат, а мы здесь как «зеки» сидим!.. Нету слов, короче. Смотрю вот на свое хозяйство, и – как ножом по сердцу! Ты веришь – нет? Серега, я ж рыбак… А ты нет? Не рыбак, что ли?

Он вопросительно уставился на Сергея.

– Увы, – повторил Сергей.

– А зря…

Галушко умолк на некоторое время и продолжал складывать снасти, сердито сопя. Когда под руку ему попалась черная тетрадь, он вдруг хмыкнул и повернулся к Сергею.

– А это, вообще, интересный случай был, – сказал он и потряс тетрадью. – Я даже и сам забыл… Сейчас увидел и вспомнил. Это в самый последний год как раз было. Летом. Ага… Я тогда далеко заходил в лес, и реку вдоль и поперек излазил. Сутками пропадал, жена все ворчала… Даже на болота ползал, я же не только рыбак, но и ягодник, и грибник, во как! Ну и вот. Однажды тоже забурился куда-то далеко вниз по течению… Там уж совсем глухие места, между прочим! В одиночку-то хреново ходить, если мест не знаешь. Я-то ладно, а то некоторые бывает, хорохорятся, крутых строят из себя, так их и не находят после. С нашими лесами шутки шутить нельзя. Был у нас один такой, помню… Тоже все выпендривался, все в одиночку любил… Как же его звали, а? Вот память же стала! Да и фиг с ним. Я тебе не про то говорю-то. Короче, стою я, значит, рыбачу. Время уже под вечер было. И смотрю это я: под кустом, в водорослях, у самого берега то ли пакет, то ли кулек маячит. Ну, я его подцепил. А он веревкой привязан, значит, к бревну, чтоб не утонул и не перевернулся. А там в кульке эта тетрадка, ну, подмокла все равно кое-где малость… Прикидываешь? Ничего больше нет, только тетрадь. Ну, взял ее, домой принес, посмотрел. А она вся исписана, вон смотри…

Галушко раскрыл перед Сергеем тетрадь и листнул несколько страниц, исписанных убористым почерком.

– Я так и не понял, чего это за тетрадь, кто ее написал? Зачем? – Он пожал плечами, рыгнул и часто заморгал. – То ли это дневник какой-то, то ли еще какая-нибудь ерунда… Главное, ее ведь в кулек сунули, привязали… Будто этот… как его?.. А, этот! Робинзон Крузо, ага… Я думал, может, тоже кто-нибудь потерялся. Так записка была бы, короткая и ясная: помогите, мол! А тут… Я поначалу пытался читать, а потом плюнул. Сочинение какое-то да и все. Не поймешь… Не люблю я, когда от руки написано, чужие каракули разбирать… Может, кто-то просто дурью маялся! Вот так и валяется. Уж несколько лет. Слушай, Серега, возьми ее! Хоть ты ее прочитаешь, вдруг, у тебя терпения больше. Мне потом расскажешь, а! А вдруг там не ерунда, вдруг чего-нибудь серьезное… Возьмешь?

Сергей никак не прореагировал. Он подумал, что Галушко сейчас снова начнет занудствовать.

– Не, ты прочитай на досуге, – не унимался Галушко. – Вдруг появится желание. Я сначала-то хотел ее кому-нибудь отдать, да все не знал – кому. Не в милицию же, елки зеленые! Тут как раз эта заваруха с резервацией случилась, а там уж не того… Сам понимаешь. А потом и вовсе про эту тетрадку забыл. Она, видишь, у меня в чемодане лежит. А рыбалка-то с тех пор накрылась этой… ну, дамским местом накрылась… так я и не заглядывал в чемодан-то. Сам подумай, на фига мне – в него?.. А сейчас вот гляжу – вот те на! Слушай, ну не хочешь читать, так отдай кому-нибудь! – воскликнул Галушко. – Или отошли по почте. Видишь, мне неудобно, скажут чего столько лет тянул? Меня все-таки немножко совесть-то того… Вдруг там и впрямь что-нибудь важное… Кто-то же писал, пыжился. В кулек, одно что, засунул…

Он вопросительно глядел на Сергея и покачивался, даже сидя на корточках.

– Хорошо, оставь ее, – безразлично сказал Сергей, чтоб закрыть эту тему.

Галушко удовлетворительно крякнул и кинул черную тетрадь на подоконник. Потом он дособирал остатки содержимого чемодана, с трудом застегнул его, сунул под мышку и поднялся. Качка на борту усилилась.

– Серега, – проговорил Галушко, и уже оба глаза его хищно прищурились. – Ты не рыбак часом?

– Я же сказал: нет.

– А жаль, ты подумай… Мы б с тобой… Эх…

Он махнул свободной рукой, затем подцепил с пола бутылку и стакан и нетвердой походкой двинулся к двери.

– Я все равно с тобой выпью! – грозно пообещал Галушко в дверях и, издав финальный нечленораздельный звук, вышел из комнаты.

Сергей собрался раздеться, но опять появилась Кира Семеновна, извинилась и отдала ему ключ от квартиры, объяснила, что Славка завтра на работе сделает дубликат, пожелала хорошего отдыха и исчезла, плотно прикрыв за собой дверь.

Никаких шумов, кроме приглушенного звука телевизора из соседней комнаты, не доносилось. Несколько секунд Сергей прислушивался, потом разделся. Хватит с меня, кажется, на сегодня, подумал он решительно. Завтра. Все остальное завтра…

Раскладушка опять жалобно застонала, когда он забирался под одеяло. Ну вот, родной, сказал он себе. Вот так тебе, романтик. Похоже, что вторая ночь в этом городе ничуть не менее романтична, чем первая. Он еще несколько минут поиздевался над собой, потом глаза стали слипаться, и он провалился в пучину сна. День номер один, проведенный им в резервации, закончился.

Часть вторая. Правила игры

Лили на землю воду.
Нету колосьев – чудо.
Мне вчера дали свободу
Что я с ней делать буду?
В. Высоцкий

Дверной звонок затрезвонил, когда он умывался. Сначала Сергей замер от неожиданности, но затем торопливо вытерся полотенцем и в одних брюках пошел открывать. Дверь не имела глазка, и он прислушался. Тот, кто был по ту сторону двери, очевидно, слышал, как он подошел, потому что мужской голос произнес:

– Мне нужен Сергей Иванович Шепилов.

Не сразу разобравшись с замком, Сергей открыл дверь и увидел перед собой полицейского. На нем была уже знакомая форма без погон. Это был человек среднего роста, лет сорока, коренастый, с густыми черными усами и маленькими, глубоко посаженными, карими глазами.

– Я – Шепилов, – сказал Сергей.

– Я вижу, что вы, – сухо сказал полицейский и предложил: – Пройдемте в помещение.

Они прошли в большую комнату. С минуту полицейский, заложив руки за спину, пристально осматривал убранство, скользнул взглядом по пустой комнате Сергея, не преминул заглянуть на кухню, после чего вернулся в большую комнату и встал перед Сергеем, покусывая ус.

– Так, так… – проговорил он и осмотрел всего Сергея с ног до головы. – Понятно.

– Что – понятно? – поинтересовался Сергей вежливо.

Полицейский пропустил его вопрос мимо ушей, снял кепку и вытер рукавом лоб, изборожденный глубокими морщинами. У него была короткая стрижка и седеющие виски. Левый висок рассекал тонкий, но заметный шрам. Он исподлобья уставился на Сергея колючим изучающим взглядом своих маленьких глаз. Казалось, что настроен он далеко не дружелюбно.

– У меня несколько вопросов, – сказал полицейский. Голос у него был низкий.

– Мне показалось, что вчера я ответил на все вопросы, которые могут заинтересовать здешние власти.

– Это вам только так показалось, – холодно заверил полицейский, – И откуда вы можете знать, что интересует власти, а что нет?

Сергею не понравился его тон и то, что, разговаривая, полицейский ни на мгновение не сводил с него взгляда.

– А вы, стало быть, власть? – спросил Сергей сдержанно.

Полицейский хмыкнул.

– Ну-ну, – проговорил он. – Желаете увидеть что-нибудь вроде удостоверения или еще там какую-то бумагу, да? Как у вас снаружи принято… – Он сделал небольшую паузу. – Запомните, Шепилов, у нас в резервации нет никаких удостоверений! Они нам ни к чему. Здесь всё на виду. Так что придется поверить на слово, больше ничего предложить не могу. Между прочим, – добавил он недовольно, – я в форме, если вы заметили.

– Почему же, заметил, – сказал Сергей с вздохом, – Но я не знаком с вашими местными нюансами. Может, такая форма у вас в магазине продается. Откуда мне знать?

– Ну-ну, – снова сказал полицейский и сдвинул брови к переносице, – Значит так. Моя фамилия Филин. И давайте оставим всякие фантазии и перейдем к делу. У меня не очень много времени.

– Но я действительно уже все рассказал, – сказал Сергей, – И мэру, и начальнику этого… ну какой там у вас отдел?.. Анкету заполнил. И коллеге вашему тоже объяснял.

– Какому коллеге? – прищурился Филин.

– Кириллу, – ответил Сергей. – Так что я не смогу сказать ничего нового.

Филин снова хмыкнул.

– Я в курсе. И анкету вашу читал, – сказал он, – Просто хочу кое-что уточнить. Надеюсь, от вас не убудет?

– Ради бога, – пожал плечами Сергей.

– Итак, зачем же это вы к нам в такую даль приехали? Чем наш городок, так сказать, глянулся?

– Это вопрос не ко мне, – сказал Сергей. – Договоры заключаю не я, а директор.

– Понятно, – проговорил Филин, покусывая ус. – Вы утверждаете, что не знали о том, что в городе есть резервация. Странно, как вы могли этого не знать.

– Почему странно? – немного удивился Сергей. – Я здесь раньше не был, никого тут не знаю, родственников не имею – что же странного? Бум на резервации давно, кажется, схлынул… И потом, может, я и знал, но просто забыл. Я это допускаю. Вы допускаете, что можно забыть?

– И в компании, где вы вчера были вечером, – не обращая внимания на его вопрос, продолжил Филин, – вам никто ничего не сказал?

– Как видите. Иначе бы сейчас я был не здесь, а в другом месте.

– Вы никого из этой компании не знаете?

– Нет. Это знакомые Бортникова. Моего начальника, то бишь.

– Как вы все-таки объясните, что вас никто не предупредил о резервации?

– Никак, – произнес Сергей, – Может, они забыли, может, не думали, что я так неожиданно исчезну. Какая разница? В моем появлении вообще много случайных совпадений…

– Вот, вот, – коротко сказал Филин и хрипло кашлянул.

Ну и смотрит, подумал Сергей. Дыру ведь прожжет.

– Многовато случайностей, – медленно протянул Филин. – Никто не предупредил. Знал, но забыл. Исчез из компании неожиданно. На улице случился провал памяти. Заблудился и вышел именно к транспортеру. Дом принял за гостиницу. Многовато, правда?

В голосе его зазвучали нотки подозрительности, и Сергей слегка растерялся.

– Извините, – пробормотал он, – вы говорите так, будто я специально сюда попал. Это действительно роковая цепь случайностей! Вы что, мне не верите?

– Разве я так сказал? – не сразу ответил Филин. – Я говорю: странно все это.

– Согласен, что странно, конечно… Но…

– Почему Кононов не предупредил вас, когда вы залезли на транспортер? – продолжил Филин торопливо.

– Вы меня спрашиваете?! – воскликнул Сергей недоуменно. – Это же, так сказать, ваш Кононов – вам и виднее должно быть!

– Вы даже не поинтересовались у него, куда он так поспешно уходит?

– А зачем? – сказал Сергей, – Послушайте, я все-таки не пойму, куда вы клоните… Причем здесь я-то вообще? Ваш транспортерщик элементарно меня подставил, воспользовался случаем, гад… Я, что ли, виноват, что он такая сволочь? А согласно вашему принципу четности, чисто арифметически, так вообще ничего не изменилось. Ну, был Кононов, стал я. Какая половая разница?

– Есть разница, – холодно заявил Филин. – И не половая, Шепилов. Кононов не имел права на выход.

– Не понял, – сказал Сергей настороженно. – Чего не имел?

– Кононов был местный, – проговорил Филин с расстановкой, – и права на выход не имел. Доходит? Право на выход из резервации имеют только неместные. Те, кто находятся на подселении. Разве вы этого не знаете? Вот вы, Шепилов, имеете такое право. Поняли теперь разницу?

– Не совсем… – нахмурился Сергей. – Что такое «право на выход»?

– Это вам надо было у Кравца спрашивать, – отрезал Филин. – Мы сейчас говорим не об этом. Мы говорим о том, что, во-первых, у него не было этого права. Но это само по себе ни о чем не говорит. Гораздо интереснее, что во-вторых.

– И что же «во-вторых»? – сухо осведомился Сергей.

– То, что у Кононова не было видимой причины покидать резервацию, – бесстрастно продолжил Филин. – У него здесь квартира, жена и сын. Он живет здесь всю жизнь. Я сегодня специально просмотрел его данные. Так вот, у него нет снаружи других родственников. По крайней мере, по бумаге. Какой смысл было ему все бросать и исчезать?

– Ну. Все-таки, свобода… – начал было Сергей.

– Зачем ему нужна эта свобода? – оборвал его Филин, скривившись. – Вы сами-то подумайте! Свобода…

– Знаете что? – сказал Сергей недовольно. – Мне глубоко наплевать, зачем он это сделал. Мне от этого не легче. Почему вы меня об этом спрашиваете? Вам это нужно – вы и думайте. Если у вас есть другие вопросы, задавайте.

Филин опять несколько раз глухо кашлянул, поморщился, на некоторое время отведя от Сергея пристальный взгляд.

– Ладно, – проговорил он сипло. – Оставим Кононова. Вы кого-нибудь из конторы знаете?

– Да откуда? – пожал плечами Сергей. – Я же сказал, что никого в городе…

– Ну, мало ли, – сказал Филин и добавил туманно: – Контора – есть контора. Значит, никого из конторских не знаете?

– Нет, не знаю.

– Ладно, – опять сказал он. – Еще… Сообщить своим родным, о том, что с вами произошло, вы отказались, так?

– Да, я не хочу их волновать. По крайней мере, до того, как все прояснится.

Филин стрельнул в него подозрительным взглядом. Сергею это уже порядком надоело.

– А что должно проясниться? – как-то вкрадчиво поинтересовался Филин.

– Да так… – уклончиво ответил Сергей, – Вообще… – Не хотелось ему больше ничего объяснять этому недоверчивому полицейскому.

– Все-таки поясните подробнее, – проговорил Филин твердо. – Почему вы хотите скрыть этот факт?

Ну, ладно, хватит, решил Сергей. Ты мне надоел, господин хороший.

– Между прочим, это не допрос, – сдержанно напомнил он, – И я вовсе не обязан пояснять или объяснять что-то и давать отчет своим действиям. Особенно, если спрашивают в таком тоне.

– В каком? – хладнокровно спросил Филин в усы.

– Мне кажется, что вы мне не доверяете, – сказал Сергей сухо.

– Я только выясняю обстоятельства, – отрезал Филин. – По долгу службы. Любой новый человек в резервации находится под особым вниманием. У нас своя специфика, Шепилов, – сказал он назидательно. – Советую не забывать об этом.

– О вашей специфике я со вчерашнего утра только и слышу, – произнес Сергей. – Не надо только на специфику списывать слишком многое.

– Ну-ну, – буркнул Филин и после паузы добавил: – Запомните: чем быстрее вы усвоите наши правила, тем для вас же лучше будет.

– Ваши правила игры?

– Наши правила жизни. Для кого-то это, может, и игра, а для нас – жизнь. Понятно?

Маленькие глазки Филина сверлили Сергея насквозь.

– Спасибо за совет, – обронил Сергей.

– Пожалуйста, – сказал Филин, криво ухмыльнувшись, и нахлобучил кепку.

После этого он вынул из нагрудного кармана записную книжку и авторучку, что-то торопливо записал, вернул все обратно. Затем извлек из другого кармана портсигар, достал из него папиросу, смял и сунул ее в рот.

Направившись к выходу, у двери он повернулся к Сергею.

– Еще один совет, – сказал он официальным тоном, и папироса задергалась в углу его рта. – Не затягивайте с работой и с медосмотром. С медосмотром особенно.

В руках у него появилась зажигалка, Филин вышел за порог, прикурил и, пыхнув едким облачком, стал спускаться по лестнице.

После его ухода Сергей почувствовал облегчение. Странный тип, подумал он. Уж слишком недоверчивый. Я, видите ли, должен ему объяснить, почему этот засранец Кононов предпочел абстрактную свободу вполне конкретной обустроенной семейной жизни!

В животе у Сергея отчаянно заурчало от голода. Времени было десять минут первого. Ох, и провалялся же я, мелькнула мысль. Что ж, посмотрим на вашу столовую для начала, решил он и стал одеваться.

Сегодня было также сухо и солнечно как вчера. Стало даже заметно теплее, и Сергею пришлось на улице расстегнуть плащ.

Когда он проходил мимо серого здания конторы, то в глаза ему бросилось необычное зрелище. В резервации, очевидно, было время обеденного перерыва. Во дворе конторы толпилось очень много женщин в синих халатах. Некоторые из них были к тому же в белых платках. Сборище интенсивно перекуривало и оживленно болтало. Женский монастырь какой-то, а не конструкторское бюро, удивленно подумал Сергей. Ему пришлось повидать в своей жизни разные отделы разных инженерно-технических контор, но это столпотворение никак не подходило ни под одну из категорий. Что-то было в этой галдящей, одноцветной и однополой массе явно непохожее на то, с чем он привык иметь когда-то дело. Он постарался пройти мимо этой странной массы одинаковых женщин как можно быстрее, поскольку физически ощущал на своей шкуре пристальные, оценивающие взгляды. Даже гомон слегка утих.

На ступенях мэрии на этот раз никого не было. Столовая тоже оказалась почти пуста – для нее, наверное, еще не наступил час пик. Это была самая обычная, довольно опрятная столовая с залом, вмещавшим около двух десятков квадратных столов. В числе немногих посетителей Сергей прошел к раздаче, набрал на поднос тарелок, расплатился в кассе и сел за стол недалеко от выхода. То ли приготовлено было на самом деле неплохо, то ли сильный аппетит заглушал все остальное, но Сергей ел с удовольствием. Краем глаза оглядывая убранство столовой, он вдруг понял, что эта мэрия на самом деле – просто школа. Обыкновенная школа, часть которой отдали под чиновничьи кабинеты. Этим и объяснялось постоянное присутствие здесь множества детей. За едой он стал размышлять о том, куда сейчас следует податься. В повестке дня, по всей видимости, значилось два пункта: медосмотр и трудоустройство. Обо всем остальном он старался пока не думать, чтоб снова не впасть в уныние, которое ему бы только повредило. Сейчас ему нужен был ясный разум, трезвый анализ и сбор информации. Придется, нанести Кравцу еще визит, решил он. Похоже, что за кадром остались многие интересные вещи из жизни обитателей резервации. «Право на выход» какое-то… В общем, местные особенности. Нюансы. Правила игры, так их разэдак…

Он почти уже закончил обедать, когда в столовую вошел Кирилл. Увидев Сергея, он быстрым шагом приблизился к его столу.

– Вот ты где! – бросил он. – Там к тебе твой начальник пришел. Давай беги.

– Где там? – не понял Сергей.

– Да возле транспортера, – ответил Кирилл. – Я сначала к тебе домой пошел… Он минут десять уже там ждет.

– Спасибо, Кирилл, – пробормотал Сергей и торопливо допил чай. – Слушай… – Кто такой этот ваш Филин?

– Такой же полицейский, – ответил Кирилл. – Какие-то проблемы, что ли?

– Приходил сейчас домой, допытывался чего-то… Таким тоном, будто я в чем-то виноват.

– А, не обращай ты внимания, Сергей, – улыбнулся Кирилл. – У него просто характер такой, у Филина. Тяжелый, замкнутый… Разговаривать с ним трудновато.

– Так он по собственной инициативе ко мне пришел или его кто-то уполномочил?

– Скорее всего, по собственной. Натура у него такая, понимаешь, дотошная. Любит сам все посмотреть и потрогать. Я говорю – не обращай внимания! Да и потом, у него обязанности такие – он вроде участкового у нас. Если на характер не обращать внимания, так он, по идее, нормальный мужик. Дело знает… Барновский ему очень доверяет. Это шеф наш, – пояснил он. – Большой такой, грузный… Не видел?

– А сколько у вас тут полицейских?

– Трое, вместе с Барновским. Точнее, три с половиной.

– Это как?

– Да Вовка Лобан еще… Наш таможенник, так сказать. Хороший парень. Он прямого отношения к нам не имеет. Но подчиняется тоже Петровичу. Занимается досмотром грузов, частных посылок… Короче, всего, что попадает в резервацию через транспортер. Ему даже оружия не положено. Мы, правда, иногда привлекаем его к нам на помощь. Когда авралы всякие случаются или еще какие-нибудь случаи…

Они вышли из коридора в холл.

– Зачем это у вас нужны досмотры? – поинтересовался Сергей.

Кирилл не успел ответить, потому что его окликнули со второго этажа, и он стремительно умчался по лестнице.

Выйдя из мэрии, Сергей обогнул здание и направился к транспортеру. Еще издали он узнал фигуру Игоря. Тот, ссутулившись, стоял шагах в десяти от транспортера, засунув руки в карманы куртки. Транспортер не работал. Сергей решил ориентироваться по нему. Поравнявшись с его концом, он сбавил темп ходьбы и дальше стал двигаться осторожно. Метров через пять после начала транспортера он почувствовал знакомые ощущения и остановился. Их разделяло около десятка метров.

– Ближе подойти не могу, – сказал Сергей. – Привет.

– Здорово, – проговорил Игорь мрачно.

Сергей еле расслышал его на таком расстоянии. Выражение лица у Игоря было какое-то виноватое и недоуменное. Наверное, у меня вчера было такое же лицо, мелькнула у Сергея мысль.

– Ну, ты даешь… – тихо произнес Игорь.

– Говори громче, – сказал Сергей.

– Я говорю: какого черта, Серега!.. – повысил голос Игорь. – Как же тебя угораздило?! Ты как сюда залез-то?! Зачем?!

– Видишь транспортер? По нему и залез, – сказал Сергей. – Очень удобно.

– Ты еще в состоянии шутить?! – воскликнул Игорь. – Нет, ну на кой ляд ты поперся… У меня в голове не укладывается! Я тебя вчера около часа прождал, потом думаю: этот, видимо, умотал все-таки в гостиницу. Туда вернулся – нет тебя! Думаю, то ли тебя шлюха какая подцепила, то ли грохнули по дороге. А ты что выкинул?! Ну как так, Серый? Я, когда позвонили сегодня, чуть на пол не сел.

Игорь снова помотал головой и в растерянности стал переминаться с ноги на ногу. Сергей молчал.

– Что ты намерен делать?

– Разбираться буду, – ответил Сергей. – Думать, как отсюда выбраться.

– Разбираться он будет… Так я одного никак не пойму: ты почему не можешь выйти? Барьер какой-то энергетический, что ли?

– Не знаю я, какой это барьер. Энергетический ли, психический ли, еще какой… Только не выйдешь и все! Становится очень плохо. Чем дальше пытаешься пройти, тем хуже.

– А потом что? Смерть?

– Насколько я понял – да.

– Черт бы тебя подрал, Серый!.. – Игорь закатил глаза к небу. – Ну как же так?! Будет он разбираться!.. А если ты не сможешь выбраться отсюда? Если это невозможно в принципе? Они вон, сколько лет тут сидят! Если бы так просто, то, наверное… Ох, Серега, Серега… – Он покачал головой. – Ну и заварил ты кашу. А с Еленой как?

– Не говори ей.

– Думаешь, может приехать?

– Трудно сказать. Но мне бы этого не хотелось. И родителям пока не говори. Скажешь им только, если история затянется надолго.

– Мне бы твой оптимизм, – произнес Игорь сокрушенно.

– Просто это единственное, что у меня осталось в сложившейся ситуации.

– А как предкам-то твоим как не говорить? Они же все одно достанут… Начнут звонить, спрашивать. Что я скажу?

– Придумай что-нибудь, Гоша, – попросил Сергей. – Скажи: уехал в длительную командировку, мол, срочные обстоятельства или еще что… Связь, скажи, не работает. Я им потом телеграмму пошлю. Ну, не хочу я их сейчас волновать! Ты же маму знаешь – она все бросит и поедет. Ей же сейчас нельзя, тем более в такую даль! В общем, я тебя очень прошу. Сделаешь?

– Ладно, – буркнул Игорь. – Отмажем как-нибудь… Мне сказали, что телефоны у вас не работают. Правда, что ли?

– Есть такой факт.

– Дурдом…

Некоторое время оба молчали. Игорь опять засунул руки в карманы куртки и водил взглядом где-то под ногами. Лицо у него было озабоченно-грустное.

– Ладно, Серега, – проговорил он наконец. – Мне уже пора. Дел полно. Отсюда еще на другой конец города добираться.

– Беги, конечно.

– Я завтра, по всей видимости, улечу домой. Вернусь дня через три. Или через четыре. Сразу забегу. Может, чего прихватить тебе?

– Не надо ничего, Гоша. Молитесь там за меня с мужиками по вечерам.

– О чем речь! – сказал Игорь. – Вот черт, и лапу тебе не пожмешь!.. Давай пока, Серый! Ни пуха тебе, ни пера!

– Пошел ты к черту, – ответил Сергей.

Игорь развернулся и, сутулясь, побрел вдоль шоссе. По пути он один раз обернулся и потряс в воздухе сжатым кулаком. Сергей провожал его взглядом до тех пор, пока его фигурка не скрылась за поворотом. Он еще несколько минут неподвижно стоял и отрешенно глядел на этот поворот. Настроение частично понизилось. Главное было – не позволить ему падать дальше.

Итак, твердо сказал он себе, продолжаем решать насущные проблемы. Кто у нас на очереди? На очереди был, очевидно, некто Губин, потому что медосмотр Сергей решил отло-

жить напоследок. Сначала покончим с безработицей, подумал Сергей и решительно направился обратно в мэрию.

Но некоего Губина в мэрии ему застать не удалось. За дверьми с надписью «Кадровый отдел» он обнаружил только немолодую тучную женщину, которая оказалась его заместителем. Она объяснила, что Иосиф Валентинович ушел на гаражи, когда будет – неизвестно, а вы молодой человек, видно, новенький, наверное, насчет работы, ну, что вам сказать… конечно, надо лично с ним говорить, вы лучше туда и идите, чем его здесь ждать… а гаражи недалеко, у нас тут все недалеко, а конкретнее, значит, мимо бара, потом вдоль дома, где больница и к самой железной дороге, там прямо у дороги они и стоят… Сергей поблагодарил женщину и опять оказался в коридоре. Возникла идея зайти к Кравцу, выяснить все остальное. Он поднялся на второй этаж, но кабинет Кравца оказался заперт, и Сергей снова очутился на улице.

В резервации на самом деле все было рядом. Он вышел к гаражам уже минут через пять. Располагались они в северо-восточном углу резервации. Несколько рядов серых бетонных боксов тянулись параллельно сетке, вдоль восточной границы метров на сто и выходили своими подъездами прямо в сторону железнодорожного полотна. За железной дорогой глухой стеной высился лес. С первого взгляда становилось ясно, что эти гаражи давно уже не являются таковыми – их превратили во что-то, напоминавшее мастерские. Здесь стоял непрерывный производственный шум, который являлся смесью металлического стука, звона и грохотания, взвизгивания циркулярных пил, наждачных кругов и сверлильных станков, тарахтения компрессора, гудения сварочного аппарата, пыхтения электрокаров и выкриков рабочих. Дверей на боксах не было; в проходах сновали люди в спецодежде, высились штабели ящиков, баки с металлическим хламом, ручные тележки и прочие аксессуары производства. Пахло бензином, мазутом и гарью. В десятке метров перед входом в гаражи были брошены старые автомобильные покрышки, густо наполненные окурками и пустыми бутылками.. Тут же стояли несколько десятков железных ящиков с электродвигателями.

Сергей неторопливо прошелся мимо проходов, высматривая среди рабочих фигуру чиновничьего вида, но никого, похожего на начальника, не заметил. Он собрался было идти в глубины гаражей, как откуда-то из ближайшего бокса появился низкорослый человек в кожаной куртке и кепке, с лицом землистого цвета. Он направился к Сергею, по пути вынимая из кармана сигареты. Ему было лет пятьдесят или больше. Выглядел он усталым.

– Кого-то ищете? – поинтересовался человек.

– Губина, – ответил Сергей.

– Я Губин, – сказал человек и закурил.

– Здравствуйте, – сказал Сергей. – Я, собственно, по вопросу трудоустройства…

– Ты, очевидно, тот парень, который вчера к нам попал? – произнес Губин. – Утром на совещании говорили.

Он присел на один из ящиков и сдвинул кепку на макушку.

– Ну, и что ж ты можешь, расскажи.

Сергей кратко рассказал о себе. Губин некоторое время молчал, затем вздохнул.

– Инженер, инженер… – проговорил он, кивая головой. – М-да… Не знаю, что тебе и сказать. Инженеров у нас полная контора. Если б ты доктор был, это было бы здорово. Знаешь, как нам доктора нужны? Позарез! Вон Уманцев по сути один, случись с ним что-нибудь, да даже заболей он – и все!.. Или, допустим, учитель. То же хорошо бы. Может, попробуешь учителем? Образование – это не страшно… Все-таки, высшее-то есть… Ты молодой, тебе легче. С ребятишками, а? Давай?

– Нет, – пробормотал Сергей. – Что не мое – то не мое. Не получится, я знаю…

– Ну, что ж тебе предложить? – поскреб челюсть Губин. – Видишь, выбор-то у нас невелик. Мужики здесь на гаражах, женщины в пошивочном участке. Ну, контора еще… Хочешь – попробуй с Коганом поговори, потому что со своими кадрами он сам разбирается. Но у них,

насколько я знаю, большие трудности сейчас. Заказов в конторе практически нет; Коган, по-моему, только за счет своих старых связей как-то перебивается, но и то, видимо, остались последние месяцы. Что потом делать они будут – ума не приложу… Я чувствую, на нынешнем собрании этот вопрос все-таки поставят. С конторой действительно надо что-то решать. – Он торопливо докурил сигарету, бросил окурок и продолжил: – Так что, смотри. Если хочешь, сходи в контору. Только не на первый этаж – там у нас швейный участок… Женский.

– Честно говоря, – сказал Сергей, – мне не хочется в эту вашу контору. У меня сейчас абсолютно нет никакого желания заниматься такого рода деятельностью.

– Да я понимаю… – протянул Губин. – Хорошо, давай на производство. Собирать движки. Или в штамповочный участок, допустим… Хотя инженеры, прямо скажем, не очень охотно в работяги идут. Все это понятно. Вон из конторы никто не приходит сюда, хотя они получают у себя значительно меньше. – Он немного подумал и спросил: – Швейное оборудование ты, конечно, не знаешь?

– Откуда? – развел руками Сергей.

– Машины что-то в последнее время сыпаться стали, – сказал Губин сокрушенно. – То же вот приходилось самим учиться. В принципе, дело наживное – научишься… Вот такой еще вариант. Правда, коллектив сплошь женский. Подумай.

Откуда-то издалека, слева послышался звук приближающегося состава, и через полминуты перед ними возник товарняк и загрохотал, заглушая все звуки. Глядя на мелькающие вагоны, Сергей вдруг заметил, что перед железной дорогой нет ограждающей сетки. После того как стих шум, он спросил об этом Губина.

– Раньше была, – ответил тот. – В первые годы. А потом плюнули. Она же падает постоянно; то ветер сорвет, то проржавеет. Городские власти ее периодически поправляют, заменяют… А здесь не стали – все равно тут никто не ходит. Тут же тайга на много километров. Городские, которые за грибами, да ягодами ходят, так они все знают, а больше здесь никто и не появляется. Ну, плакаты там еще вроде где-то остались… Так и живем. Короче, – Он взглянул на Сергея, – ты думай. До завтра. А сейчас мне пора – день такой сумасшедший…

Губин поднялся и зашагал в сторону гаражей. Он исчез, и Сергей в задумчивости повернулся к лесу. Ну, что будем решать, подумал он невесело. Собирать электродвигатели или ковыряться в швейных машинах? А на что ты рассчитывал, родной, а? В кармане он нащупал вчерашний блокнотный листок, который ему дал Кравец. Хорошо бы разобраться побыстрее со всеми их принципами, правилами и всякими прочими маразмами, подумал он.

В этот момент он увидел, как из леса к путям вышел молодой парень лет двадцати, не больше, с облезлой клеенчатой сумкой в руке. Одет он был неважно. Поношенные брюки, длинная вязаная кофта в дырах, короткие резиновые сапоги и шапочка «петушок» – таков был его наряд. Парень неторопливо шагал вдоль путей, пиная камушки. Походка у него была очень странная, шатающаяся. Руки висели вдоль тела, словно плети, а взгляд был устремлен под ноги. Засмотревшись на этого непонятного выходца из леса, Сергей не заметил, как позади возник человек.

– Браток, угости сигареткой, – раздался хриплый голос.

Сергей вполоборота покосился на щуплого мужичонку в спецодежде. Мужичонка улыбался, щурясь на солнце и вытирая руки о полы куртки.

– Я не курю, – обронил Сергей, продолжая наблюдать за парнем на путях.

– А я-то думал, курнем… – с сожалением заметил мужичонка. – Как контора поживает?

Сергей не ответил. Парень с сумкой по-прежнему шел вдоль железнодорожного полотна.

– Тут слухи ходят, – сказал мужичонка, – что у конторы дела совсем херовые. Поговаривают, без денежек совсем останетесь скоро, да? Че собираетесь делать-то? Пахать ведь придется, не иначе… А что! – рассудительно добавил он. – Продадите свои осциллографы, да кардиографы и тоже чего-нибудь делать начнете! Так ведь? Наш мужик, он к чему хошь при-

способится. Так ведь? – снова спросил он. – Слышь, а Когана вашего куды денете? Евреям же пахать нельзя, они же от этого мрут!.. – мужичонка сипло захихикал и добавил: – Слышь, браток, а может вам к бабам податься? Тоже чего-нибудь шить станете… У вас же там рядышком. Будете шить всякие наволочки и тискать баб! Чем не жисть?..

Он опять захихикал, потом закашлялся. Закончив, он поинтересовался:

– Еще говорят, у вас там недавно за наркотики двоих аж на три розыгрыша турнули? Правда, что ли? Слышь, а за что мы тогда полиции бабки платим?

– Я не работаю в конторе, – наконец сказал Сергей. – И в полиции тоже. Я в резервации всего второй день.

– А-а… – протянул мужичонка. – Я думал, из конторы… «Заложник» поди?

– Не понимаю, – произнес Сергей. – Какой еще «заложник»?

– Ну, «временщик», я имею в виду… – удивляясь, сказал мужичонка. – А что? Все так называют…

– Что такое «врем…»

Слово застряло у Сергея в горле, потому что в этот момент парень, шедший вдоль путей, внезапно резко свернул, пересек рельсы и быстро направился вглубь резервации.

– Ты это чего? – удивился мужичонка. Он никак не отреагировал на это событие. – Чего это с тобой, браток?

– Но… – выдохнул Сергей, не сводя взгляда с парня. – Он же зашел…

Парень, как ни в чем не бывало, миновал картофельные участки и теперь двигался в сторону пятиэтажек.

– Так это же Артемка! – сказал мужичонка. – А я думаю, чего это с тобой?

– Ну и что… – непонимающе посмотрел на него Сергей.

– Артемка, – повторил мужичонка. – Он все время по лесу шастает. Не знаю, чего уж он там ищет… Он же у нас чокнутый.

– Как это?..

– Ну как-как?.. Того, – Мужичонка покрутил пальцем у виска. – Сумасшедший. Не понял?

– Ну и что… – снова пробормотал Сергей. – И он может ходить туда-сюда…

– Понятно – может, – заверил мужичонка. – Говорят тебе: псих он.

– А Оболочка?! – ошарашено спросил Сергей.

– Чего – Оболочка? – непонимающе хлопал глазами мужичонка.

– Он, что… не чувствует ее? Для него ее нет?!

– Понятно – нет, – ответил мужичонка. – Была б, так как он тогда ходил то в лес, то в город?

– И после него не остается этой самой дырки? Прохода, в смысле…

– Да нет, конечно, – Мужичонка удивленно пожал плечами. – Ты какой-то чудной! Если б после него Проход оставался, здесь бы давно уже никого не было. Так ведь?

– Да… Пожалуй… – не сразу выговорил Сергей. – Это я не подумал…

– Ты так перепугался, будто я не знаю что… – помотал головой мужичонка.

– Стоп! – вдруг осенило Сергея. – Принцип разумности, да?! Это и есть принцип разумности?!

– Чего?.. – переспросил мужичонка, морща лоб.

Но Сергей уже не обращал на него внимания, он словно завороженный двинулся вслед за удаляющимся парнем. Он даже не понимал, зачем идет за ним – это получилось у него чисто машинально.

– Может, ты все ж куришь? – бросил вдогонку мужичонка. – Жалко…

Между Сергеем и парнем было около пятидесяти метров. Парень, пройдя дворами пятиэтажек, стал сворачивать куда-то в сторону конторы. Сергей не отставал от него и даже стал сокращать разрыв. Когда он проходил через дворы пятиэтажек, его вдруг окликнули по имени.

Возле одного из подъездов стояли Кирилл и Филин.

Сергей подошел к ним. Парень свернул за угол дома и исчез из виду.

– Куда это ты так мчишься? – поинтересовался Кирилл. – Да еще с таким озабоченным видом?

– Да вот… – забормотал Сергей. – Парень этот ваш… Увидел, как он из леса через дорогу…

– Артем, что ли? – сказал Кирилл. – А чего ты так переполошился?

– Ну… не ожидал…

– А что так?

– Значит, это и есть принцип разумности? – спросил Сергей, ловя на себе колючий взгляд Филина.

– Угу, – сказал Кирилл. – В действии. Сумасшедшие у нас не в счет. Артемка даже от медосмотров освобожден. У тебя, кстати, как с медосмотром? Встал на учет?

– Нет пока… Не успел еще. Я к Губину сейчас ходил.

– Может он думает, будто у него богатырское здоровье, – ехидно заметил Филин. – Между прочим, никогда не знаешь, где найдешь – где потеряешь.

– Погоди, Виктор, – сказал Кирилл. – Что тебе Губин сказал?

– Да так… – замялся Сергей. – Не знаю я, в общем. Надо подумать.

– Ну, конечно! – проговорил Филин, мусоля во рту потухшую папиросу. – Там же работать нужно. Ручками. Это конторские только сидят, зады протирают, да делают вид, что своими мозгами приносят какую-то пользу!

– Да, будет тебе, Виктор! – сказал Кирилл. – Чего ты заводишься? Он у нас жутко конторских не любит, – разъяснил он Сергею.

– Между прочим, – сказал Сергей Филину холодно, – я работы не боюсь.

Филин только хмыкнул, и папироса из одного угла его рта перекочевала в другой.

– Сергей, ты машину водить умеешь? – вдруг спросил Кирилл.

– Умею, – ответил Сергей.

– Поговорю сегодня с Николаичем, – сказал Кирилл задумчиво. – И с Губиным тоже. Что-нибудь придумаем.

– Кончай благотворительностью заниматься, – произнес Филин. – Слышь? Пойдем.

– Подождите, – сказал Сергей торопливо. Он вытащил из кармана плаща листок со списком. – Объясните, в конце концов… А то я не все знаю…

– Это что? – спросил Кирилл и посмотрел в листок. – А-а, это тебе Кравец должен все рассказать. Сходи к нему.

– Ходил я, – пробормотал Сергей. – Закрыто у него.

– Ревизия сегодня в больнице, – сквозь зубы проговорил Филин. – Там они все. Идем, Барновский ждет.

– Точно – ревизия! – Кирилл хлопнул себя по лбу. – Забыл совсем. А это, как водится, на весь день. Сергей, нам правда некогда, – извиняющимся тоном сказал он. – Я только перекусить забежал. Ты вот что сделай. В этом доме с торца находится библиотека. Ты сейчас мимо нее проходил. У библиотекаря фамилия – Ревич. Очень умный мужик, раньше ученым был. Больше чем он, про резервацию, наверное, никто не знает. Иди к нему прямо сейчас. Он тебе на все вопросы и ответит. Кстати, у него у самого тоже судьба – не позавидуешь.

– А как его зовут? – спросил Сергей.

– Рудольф Анатольевич. Зайди, зайди! С ним поговорить можно… Хороший мужик.

– Кирилл, пошли! – нетерпеливо сказал Филин и махнул рукой.

– Ладно, до вечера, – сказал Кирилл.

Они с Филиным размашистыми шагами стали удаляться от дома. Сергей снова остался один с помятым листочком в руках.

Расположившаяся в торце дома библиотека имела крыльцо с облупленными, давно не крашеными каменными перилами, трещины которых густо поросли мхом. Сергей поднялся по крошащимся ступеням, открыл скрипучую дверь и очутился в сумрачном тихом мире. В библиотеке было безлюдно и пахло тем самым запахом, какой бывает только в библиотеках. Господи, подумал Сергей, сколько же лет я не бывал в таких заведениях! Все не до того с этой сумасшедшей жизнью. Он ностальгически вздохнул и прошел внутрь, к столику у окна, огороженному, как и положено, стойкой. На стойке лежало несколько книг, самого же библиотекаря не было видно. Царила полнейшая тишина. Сергей собрался уже было кашлянуть, как вдруг из глубины стеллажей, из самых книжных недр послышалось:

– Кто-то пришел, кажется?

Потом говоривший, очевидно рассмотрев Сергея сквозь просветы стеллажей с книгами, добавил:

– Проходите сюда, молодой человек.

Сергей обнаружил библиотекаря между вторым и третьим стеллажами. Тут оказалось еще одно окно. Под ним уютно расположилось высокое кожаное кресло и квадратный журнальный столик, на котором стояла настольная лампа, электрочайник, сахарница, цветная жестяная коробочка и стакан. Рядом находился стул. Чайник шумел. Библиотекарь сидел в кресле и оказался невысоким, седым, наполовину лысым человеком, явно перевалившим за пятидесятилетний рубеж. Он имел короткие усики, усталые потухшие глаза серого оттенка и мощные очки в роговой оправе, которые делали его похожим на профессора. Одет библиотекарь был в простенький пуловер коричневого цвета.

– Здравствуйте, – сказал Сергей. – Вы – Рудольф Анатольевич?

– В точности так, – кивнул библиотекарь. – Хотите что-нибудь почитать? Я вас раньше не видел.

Голос у него был мягкий и дружелюбный.

– Меня никто здесь раньше не видел, Рудольф Анатольевич, – произнес Сергей. – Я только вчера появился в резервации. И пришел не за книгами, а за консультацией, потому что посоветовали обратиться к вам…

– Вот оно что, – Ревич с интересом глянул на него поверх очков. – Чаю хотите? Не стесняйтесь. За компанию, а? Я люблю, знаете ли, побаловаться…

– Можно и чаю, – согласился Сергей.

– Да вы садитесь, садитесь, – Ревич жестом показал на стул и встал из своего кресла. – Минуточку, я только принесу стакан.

Сергей сел на стул, а Ревич, сутулясь и шаркая, удалился и через минуту появился со вторым стаканом, в котором позвякивала чайная ложка.

– Должен вам сказать, вы подоспели весьма вовремя, – заметил он, усаживаясь обратно в кресло. – Я заварил чай буквально только что. Признаться, я не люблю сидеть там, – он махнул рукой в сторону стойки. – Посетителей в это время дня практически не бывает. Тут, знаете ли, комфортней как-то.

Он умолк и стал разливать горячий чай в стаканы.

– Кладите сахар, молодой человек, – сказал он, закончив. Затем он снял очки, обхватил стакан обеими ладонями и откинулся в кресле. – Так говорите, только вчера… Простите, как ваше имя?

– Извините, не представился. Меня зовут Сергей.

– Вам, наверное, лет тридцать, не больше?

– Тридцать.

– Моему сыну столько же, – негромко изрек Ревич. – Вы позволите называть вас Сережей?

– Конечно, – сказал Сергей, размешивая сахар.

Ревич отхлебнул чаю и посмотрел на Сергея, слегка склонив голову на бок.

– В общем, Рудольф Анатольевич, – начал Сергей, вздохнув, – я попал сюда совершенно случайно. Просто какое-то нелепое, дурацкое стечение обстоятельств… Рок какой-то. Или, если угодно, воля божья…

– Вон оно как, – протянул Ревич, кивая. – Хищница снова заскучала по вкусу крови? В капкан угодила очередная жертва… Вон оно как. – Он снова в задумчивости отхлебнул из стакана.

– Говорят, что таких случаев у вас давно не было? – спросил Сергей.

– Пожалуй, что так… А Проход после вас?

– Им воспользовался один тип.

– Ясно… У вас есть семья, Сережа? – участливо поинтересовался Ревич.

– Бывшая.

– Ну… – вздохнул он, вскинув брови. – Наверное, дети никогда не бывают бывшими, так?

– Что верно, то верно, – ответил Сергей.

Он взял стакан и сделал несколько глотков. Ревич глядел на него, и глаза у него были грустные. Казалось, он думал о чем-то своем. С минуту оба молчали, лишь мелкими глотками пили чай. Затем Ревич устало потер пальцем веки и негромко спросил:

– И что же вы хотите узнать, Сережа? Я охотно вам помогу, если это в моих силах.

– Прежде всего, меня интересуют все эти ваши принципы, – сказал Сергей.

Он выложил на стол листок с перечнем. Ревич поднес очки к глазам и посмотрел на листок.

– Это мне Кравец написал, – пояснил Сергей. – А разъяснить успел только некоторые.

– Обычная предвыборная суета, – заметил Ревич и отложил очки. – Ну, про принцип четности вы не можете не знать, так ведь?

– Я знаю про четность и про полупроводимость, – сказал Сергей. – И буквально только что узнал о сумасшедших. Увидел, как парнишка этот… зашел из леса. Даже испугался сначала.

Ревич, улыбаясь, понимающе кивал.

– Принцип разумности, – проговорил Сергей, задумавшись. – Как он, все же, формулируется?

– Так и формулируется, – сказал Ревич. – Оболочка существует только для разумных людей. В формировании ситуации четности или нечетности учитывается количество только разумных людей в резервации.

– Получается, что и животные не должны чувствовать Оболочку?

– Они и не чувствуют, – ответил Ревич. – Или для них ее, очевидно, просто не существует. Тут им можно только позавидовать. Но с этим-то принципом все просто. Какие, вы говорите, еще остались?

– Перпендикулярности и однократности, – сказал Сергей.

Ревич некоторое время молча думал.

– А вы знаете, какие бывают виды нарушения четности? – осведомился он. – Вы, вообще, уже в курсе, почему опасно состояние нечетности в резервации? Чем грозит нарушение стабильности, знаете?

– В общем, да, – ответил Сергей. – Кравец мне растолковал. Если нечетно, то нестабильно. Это влечет чью-либо гибель. Я помню.

– Хорошо, – проговорил Ревич. – Видите ли, чтоб понять принцип перпендикулярности, надо разобраться в типах нечетности. Так вот, – продолжил он после некоторой паузы. – Суще-

ствует три типа нечетности. То бишь, три вида нарушения четности. Первый: в резервации кто-то умер, второй: в резервации кто-то родился и третий: в резервацию кто-то вошел снаружи. Как, скажем, в вашем случае. Согласны со мной? Если не понимаете, сразу говорите.

– Нет, нет, – поспешно сказал Сергей. – Пока все понятно. Только вот что… А если кто-нибудь в резервации сошел с ума? – спросил он. – Это же тоже возмущение! Ведь четность разумных нарушается!

– Вопрос интересный, – крякнул Ревич. – И правомочный. Молодец, Сережа! Я тоже так считаю, но наверняка этого никто не знает. А знаете, почему? По той простой причине, что никто в резервации еще с ума не сходил.

– Минутку! А Артем?

– Он ненормален с самого рождения, так что… В общем, эта тема практически не исследована. И поэтому мы всегда говорим о трех типах. Потому что эти три типа подтверждены практикой. А о сумасшествии… Нет такой статистики.

– Стало быть, ваш принцип разумности выведен лишь на основании одного конкретного случая с Артемом?

– Получается так, – согласился Ревич. – Понимаете, Сережа, здесь многое понято и осознано на основании одного, двух конкретных примеров или фактов. Что поделаешь, мы поставлены в такие условия. Нам не дано возможности производить эксперименты. Мы не можем формулировать законы резервации в лабораторных условиях. Эх, если бы было так… Но нет… Мы узнаем их по ходу жизни. К большому сожалению. Хотя, надо отметить, что все принципы были открыты нами в первые же месяцы существования резервации. В последние годы мы ничего нового о резервации не узнали. Просто накапливаем статистику. Уточняем детали… Но как ученый я должен сказать, что нет никаких оснований думать, будто мы здесь застрахованы от какого-либо подвоха. Понимаете, что я хочу сказать? Конечно, прошли годы, люди привыкли к новым правилам жизни, но утверждать, что эти правила завтра не изменятся нельзя. Это было бы глупо и ненаучно. Вы согласны со мной?

– Вполне, – вставил Сергей.

– Ведь может статься, – продолжал Ревич, – что завтра или послезавтра возникнет или неожиданно откроется новый принцип. Или, допустим, обнаружится, что мы неправильно трактовали какой-нибудь из уже известных нам, или еще что… Вы только представьте! Ведь когда имеешь дело с неизвестным, надо быть готовым ко всему. Даже если в течение нескольких лет все стабильно. А стабильность-то может быть кажущейся, так?

Ревич допил чай и поставил пустой стакан на стол.

– Я вам должен сказать, Сережа, что могу болтать очень долго, – сообщил он, улыбнувшись. – Вы уж простите мне эту слабость. Здесь так редко доводится с кем-нибудь поговорить! Что вы… – Он всплеснул руками. – Это в первое время еще кому-то было интересно… Кто-то еще тогда пытался что-то понять в этом абсурде. Это в первое время поначалу казалось, что резервация ненадолго, что она вот-вот исчезнет… Но прошел год, затем прошел второй, и… – Он вздохнул. – …И ничего не изменилось. Потом люди перестали задавать себе вопросы, на которые они все равно не получали ответов. Люди перестали себя мучить бесполезным ожиданием. Они сделали то, чему научились за тысячелетия более всего. Они привыкли, Сережа! Их нельзя в этом винить – такова людская природа… Вот и вы, – сказал Ревич грустно, – человек новый. Образно выражаясь, птица, сбитая в лет. Вы, очевидно, полны решимости докопаться до истины, все здесь перевернуть, бороться до конца и так далее, да?

– Пока я лишь пытаюсь разобраться в ситуации, – пробормотал Сергей.

– Да, да… – прикрыв глаза, произнес Ревич. – Конечно. Мне все это знакомо, Сережа. Здесь, в резервации многие прошли этот путь, и я в том числе. К сожалению, финал одинаков. Смирение и успокоение, м-да… Да! – встрепенулся Ревич. – Я отвлекся немного… – Он на мгновение задумался и взял в руки очки. – Три типа… Рождение, смерть и гость снаружи, –

проговорил он медленно. – В любом из этих случаев в резервации возникает ситуация нечетности. В первом и третьем случае такая нечетность называется «плюс-нечетность», во втором – «минус-нечетность». Ну, такая терминология. Не слышали еще?

– Нет. Погодите… А то все перепутается…

– Не мудрено, – Ревич понимающе кивнул. – Ну, давайте снова.

– Значит, в случае рождения человека… – сказал Сергей. – Это называется «плюс-нечетность»?

– Или когда кто-то зашел в резервацию снаружи, – добавил Ревич. – Как вы, допустим. Тоже «плюс-нечетность». В обоих случаях число людей в резервации возрастает. Поэтому и приставка «плюс». Понятно?

– Да, да… – сказал Сергей. – Тогда и с «минусом» ясно…

– Конечно, – сказал Ревич. – Таким образом, пути разные, но приводят-то они к одному, как вы понимаете. К нечетности. И к появлению Прохода, в частности.

– Хорошо, – проговорил Сергей. – Дальше что?

– Вот мы и подошли к понятию Прохода, – сказал Ревич. – Что такое Проход, как и Оболочка, никто не знает. Известен лишь его смысл. Это кратковременная дыра в Оболочке. И в соответствии с тем, какая возникла нечетность, они тоже называются «плюс» и «минус-Проходами». Вам ведь уже объяснили этот механизм, который резервация запускает в действие в случае возникновения нечетности? – спросил он.

– Лучше повторите…

– Итак, когда возникает ситуация нечетности, в Оболочке образуется Проход. Это понятно. А потом происходит одно из двух: либо кто-то выходит через него наружу, либо кто-то умирает. В любом случае Проход тут же исчезает. Стабильность, разумеется, восстанавливается, поскольку восстанавливается четность.

– А сколько времени он существует? Проход этот?

– Несколько часов, – сказал Ревич. – Когда как… Это тоже почти неисследованная тема. А теперь возникает вопрос: в каком месте Оболочки возникает Проход в каждом случае?

– И в каком же? – спросил Сергей.

– Так вот мы подобрались к принципу перпендикулярности. Он как раз об этом.

– Ну, когда я вошел, – сказал Сергей, размышляя, – то, как бы, прорвал Оболочку в этом месте? Там где вошел – там и образовался Проход…

– Правильно. А в первом или во втором случае? Когда в резервации кто-то рождается или умирает? В какой точке возникнет Проход, спрашивается?

– А в какой? – спросил Сергей.

– Согласно принципу перпендикулярности, – сказал Ревич, – Проход возникает в ближайшей к месту возникновения нечетности точке Оболочки. Ну, местом возникновения нечетности будем называть географическое место, в котором она возникла.

– Это как?.. Место, где родился или умер человек, что ли?

– Совершенно верно. А что такое минимальное расстояние? Это перпендикуляр, как известно. Согласны со мной? Поэтому этот принцип так и назвали, может быть, не совсем, кстати, удачно… Можно было назвать, допустим: принцип «кратчайшего пути». Но это, в конце концов, неважно. Важно, что если от места возникновения нечетности провести воображаемый перпендикуляр к Оболочке, то точка пересечения как раз и определяет место, где должен образоваться Проход. В случае, когда в резервацию попадает человек снаружи, это самое место нечетности и место образования Прохода, как вы понимаете, просто геометрически совпадают. Только и всего. Ну, как вам этот принцип на вкус, а?

Ревич утих ненадолго, внимательно глядя на Сергея.

– Забавно… – пробормотал Сергей, отхлебнув чаю. – Так, так… А если родится сразу двое, или, наоборот умрет двое? Ну, или любое четное число людей?

– Если это произойдет в течение очень короткого промежутка времени… Скажем час или два… Тогда, конечно, резервация не успеет погасить нечетность самостоятельно. Тогда четность устанавливается, как бы, естественным путем. Никто не пострадает, все будут живы и здоровы. Примерно то же самое, если снаружи сюда одновременно зайдет четное число людей. Понимаете меня? Голова еще кругом не пошла?

– Она у меня со вчерашнего дня кругом…

– Привыкнете, – успокоил Ревич и опять потер указательными пальцами веки. – Наливайте себе еще чайку, не стесняйтесь.

– Спасибо, я больше не хочу.

– А я, знаете ли, частенько… – Он налил себе новый стакан чаю и сделал несколько неторопливых глотков. – У нас там с вами пустяк остался… Есть, значит, еще такая вещь, как принцип однократного пребывания в резервации. В обиходе называется принципом однократности. Тоже, скажу вам, занятная штучка… Но тут все просто. Суть его заключается в том, что человек, вышедший из резервации, уже не сможет в нее попасть обратно. То есть принцип полупроводимости как бы на этого человека уже не действует, и он точно также не может пройти сюда снаружи через Оболочку, как мы отсюда наружу.

– Это еще что за ерунда такая? – непроизвольно хмыкнул Сергей.

– Это не ерунда, – сказал Ревич, качнув головой, – а принцип однократности. Нравится он вам или нет. Человек, который вышел отсюда, становится для резервации словно меченый. Признаться, это не самый плохой принцип, ведь так?

– Меченый. Хм, – повторил Сергей. – Но почему?.. – Он пожал плечами. – Что это значит?..

– Эх, Сережа, – печально улыбнулся Ревич. – На вопросы типа «почему?» да «зачем?» у нас чаще всего бывает ответ: «этого никто не знает». Здесь, в резервации уже давно никто ничего не спрашивает. Эти времена прошли.

– Да это я так… – проронил Сергей, вздыхая. – Я это уже понял. Просто вырвалось. Эмоция…

– Ничего, ничего, – сказал Ревич. – Мне это знакомо, – Он сделал еще несколько глотков и, прижав стакан к груди, откинулся на спинку кресла. – Я хорошо помню, как во мне и во многих других все внутри протестовало против случившегося. И против того, что случившееся не поддавалось никакому объяснению! И знаете, прошло много времени, прежде чем этот протест угас. Вот как… Угас и все. Время, оно, знаете ли, лечит любые раны…

Ревич закрыл глаза и умолк. Казалось, что он погрузился в воспоминания.

– А связь? – спросил Сергей осторожно.

Ревич неторопливо открыл глаза.

– Что вы говорите?

– Ну, разве это не принцип? Телефоны же в резервации не работают! Не просто так ведь?

– А… Есть такое дело, – согласился Ревич. – Но это вроде бы и не принцип. Видите ли, это обстоятельство не имеет прямого отношения ни к принципу четности, ни к другим принципам. Это своего рода некое дополнительное условие… некое дополнительное ограничение нашего существования. Кстати, не работает не только телефон, но и все другие способы оперативной связи с внешним миром. Телевидение, радиосвязь… Ничего не работает.

– Минутку, – сказал Сергей непонимающе. – Я сам слышал вчера: телевизор работал!..

– Нет, Сережа, – печально улыбнулся Ревич. – Увы, но это была всего лишь запись. По договоренности с городскими властями нам периодически присылают видеозаписи с новостями. А здесь на нашем видеоцентре их крутят. Несколько раз в течение дня. Вот оно как.

– Стало быть, изоляция? – медленно произнес Сергей.

– На то она и резервация, – ответил Ревич грустно.

– А почему бы тогда еще и не выключить воду? – пробормотал Сергей. – Или, скажем, не отменить закон Ома? Или уменьшить силу притяжения… А?

– Пути господни неисповедимы, – проговорил Ревич с вздохом. – У нас еще не самый худший вариант, кстати. Вы понимаете, у каждой резервации ведь свои собственные принципы существования. И люди в них мучаются все по-разному… Вы не слышали раньше о неапольской резервации? Или о мурманской?

– Честно говоря, не помню, – признался Сергей. – Наверное, нет.

– Одну секунду… – Ревич прислушался. Послышался какой-то шорох со стороны входа. – Кто-то пришел. Вы сидите, я ненадолго.

Он поставил стакан на столик, надел свои роговые очки, покряхтывая, поднялся из кресла и поспешил на свое место. Какое-то время Сергей слышал приглушенные голоса через ряды книг. Пришла какая-то женщина. Они несколько минут о чем-то бубнили, потом тонко скрипнула дверь и все стихло. Мелко шаркая, Ревич вернулся.

– Так на чем мы остановились? – спросил он, вновь усаживаясь в кресло и поблескивая линзами очков. – Ах да, неапольская резервация…

– Рудольф Анатольевич, – сказал Сергей. – Бог с ним, с Неаполем. Вы мне лучше вот что скажите. Сегодня я услышал о существовании какого-то права на выход. Что это такое?

– Право на выход? – переспросил Ревич и вскинул брови. – А-а… Тут все очень просто, Сережа, все очень просто. Понимаете, наше общество поделено на две части: имеющие право покинуть резервацию и не имеющие такого права. Не имеют такого права, как правило, местные, то есть те, кто проживал здесь до момента образования резервации.

– Погодите… Но ведь выйти отсюда практически нереально?

– Не забывайте, что есть факторы нарушения четности, так называемые плюс – и минус-нечетности, о которых мы говорили. Если искусственно создавать и контролировать такие ситуации, то все же кое-какой шанс появляется. Маленький, правда…

– Как это – создавать искусственно? – удивился Сергей.

– Вам и это не объяснили? – вскинул брови Ревич. – Вы же были у Кравца, странно…

– Так вот вышло, – сказал Сергей.

– Дело в том, Сережа, – сказал Ревич, – что мы здесь по мере возможностей искусственно нарушаем четность. С помощью плюс-нечетностей. Мы сами у себя в резервации создаем ситуации плюс-нечетности. Не знали об этом?

– Нет, – признался Сергей в недоумении. – Это что означает?.. Вы, что, берете сюда людей снаружи? Один заходит, другой выходит? Так, что ли?

– Именно так, Сережа.

– Простите, но какой же дурак пойдет сюда?.. – пробормотал Сергей растерянно. – Да, и какой в этом смысл? Число же людей в резервации не меняется!

– Меняется, меняется… – вздохнул Ревич. – Вы просто не знаете самого главного.

– И что же это?

– А то, что мы берем сюда людей, которые должны умереть.

– Умереть? – переспросил Сергей, нахмурясь. – Почему это – должны? Как это понять, простите?

– Люди, находящиеся при смерти, – пояснил Ревич. – Нам доставляют людей, находящихся при смерти. С их согласия, разумеется. Вот оно как. Как правило, это смертельно больные или умирающие, одинокие старики. В общем, те, которым осталось жить чуть-чуть. А иначе – вы правы – в этом нет смысла.

Наступила тишина. Сергей был обескуражен, он был в очередной раз ошеломлен и сбит с толку.

– Так это… и есть ваш шанс? – тихо вымолвил он, наконец.

– Именно это и есть наш шанс, – грустно подтвердил Ревич. – Единственный наш шанс. Других нет, к сожалению.

– Но… – начал было Сергей и снова озадаченно умолк.

– А поскольку, все эти люди, – продолжил Ревич, – являются стопроцентными добровольцами, то их бывает крайне немного, как вы понимаете. Случаи такие очень редки. Поэтому, если учесть, сколько человек в резервации претендует на возвращение, то шанс для каждого получается ничтожным.

– Хорошо, – выдавил через некоторое время Сергей. – Ничтожным. Ладно… Тогда как же эти шансы распределяются?

– Старым добрым способом, – ответил Ревич, – Жеребьевкой. И каждый раз кому-то из многих везет. Ну, а раз так, то, естественно, этот процесс необходимо организовать. Определить процедуру, ограничить при необходимости число правомочных, назначить ответственных и так далее. Стандартные действия любого сообщества людей, объединенных общим интересом. Этим как раз у нас и занимается отдел особого назначения. Учет и контроль над этим самым ничтожным шансом. Это, конечно, не единственная сфера его деятельности, но, скажем так, основная.

– Так мне для этого присвоили номер? – догадался Сергей.

– В частности и для этого тоже.

– И что мне теперь с этим номером делать?

– Ничего не надо делать, Сережа, – с вздохом сказал Ревич, – Ваш номер – это лишь ваш шанс в общем котле во время розыгрыша и не более. Если вам повезет, то повезет. Вы спросите об этом в отделе у Кравца. Вам там официально разъяснят. Про жеребьевку и про остальное… Мне, честно говоря, эти тонкости неизвестны и неинтересны. Очень уж напоминают мышиную возню. Хотите, можете молиться, чтоб жребий пал на ваш номер. Что еще в наших силах? Лично я не молюсь и давно уже ни на что не надеюсь. Слишком редко на нашу долю выпадают эти жеребьевки, чтоб из-за этого не спать по ночам или взывать к божьей милости.

Ревич замолчал, вдруг как-то съежился, шевельнул губами, потом быстро снял очки и стал тереть веки пальцами. Некоторое время они молчали. Сергей обдумывал услышанное и, наблюдая за библиотекарем, заметил, что Ревич несколько помрачнел.

– Вы здесь с самого начала? – поинтересовался Сергей, спустя какое-то время. – Я так понимаю, что вы тоже не местный?

– Да… – тихо вымолвил Ревич и опустил голову. – Я здесь с самого начала. Здесь почти все с самого начала. В основном, сегодняшний состав резервации определился в самые первые дни. Знаете, город был так перепуган, что народ обходил эти места за километр! В округе, я помню, перекрыли все движение, расставили по периметру милицию, ГАИ… Мы здесь метались под колпаком резервации, в городе метались вокруг резервации – в общем, паники было предостаточно.

– Когда это случилось? – сказал Сергей. – Я даже этого не знаю, потому что не из вашего города…

– Восьмого июля исполняется четыре года, – произнес Ревич и сделал небольшую паузу. – Вот оно как. Уже четыре года длится наша эпопея, четыре года… Понимаете, Сережа? Это ведь своего рода вечность! А с другой стороны – мгновение. Я до сих пор прекрасно помню события тех дней. Весь ужас тех дней… М-да…

– Расскажите, Рудольф Анатольевич, – попросил Сергей. – Хотя бы вкратце. Если вас не затруднит.

– Отчего же… – сказал Ревич. – Охотно расскажу. – Он погрузился на несколько мгновений в воспоминания, затем заговорил: – Восьмого июля был тогда понедельник. Точное время возникновения Оболочки установить не удалось – известно лишь, что это произошло в ночь с воскресенья на понедельник. По крайней мере, утром, когда люди шли на работу, Обо-

лочка уже функционировала, и резервация, как явление, уже состоялась. А об этом еще никто не подозревал, представляете? Люди выходили утром на работу и скапливались на южной границе перед Магистральной. Они не могли выйти и ничего не понимали!.. Конторские, наоборот, шли на работу сюда, словно в мышеловку. Пока постепенно до людей стало доходить, что надо прекратить всякое передвижение, пока стали отчаянно выкрикивать предупреждения всем подходившим, уже почти половина служащих конторы попала в резервацию… Потом они тоже поняли, ринулись обратно… Ну, и началось. Крики, слезы, истерики… Местные, конторские – все вперемешку… никто ничего не соображает, все лихорадочно бегают вдоль Оболочки. Позже понаехала милиция, городские власти, военные. Они с той стороны толпятся, мы – с этой. Что делать, никто не знает. Все кругом оцепили, с Москвой стали связываться и пошло, и поехало!.. Это был просто бред. Это был сплошной кошмар! Неделю или больше люди просто ночевали возле Оболочки, жгли костры, дежурили, все надеялись на что-то… Господи, Сережа, я никому не пожелаю такое пережить…

Ревич тяжело вздохнул, покачал головой, прервавшись на некоторое время. Он был слегка возбужден.

– А ведь нам еще повезло, – продолжил он, – Хоть тут, вообще, неуместно говорить о везении, тем не менее, могло быть значительно хуже. Во-первых, дорога, проходящая через резервацию, была на тот момент закрыта на ремонт. Вы понимаете, что было бы, если бы утром по ней пошли набитые людьми автобусы, а?! Сколько бы их здесь скопилось? Это же ужас… А, во-вторых, повезло в том, что начались каникулы, и школа практически пустовала. Ведь сколько могло сюда попасть нездешних детей – это же представить страшно! Столько несчастных детей, боже!.. Скажите, что может быть хуже несчастных детей?!

– А власти? – глухо спросил Сергей. – Они пытались помочь?

Ревич горько усмехнулся и стал покусывать дужку очков.

– Что они могли, господи!.. – произнес он угрюмо. – Ну, как можно помочь, когда не понимаешь с чем ты столкнулся?! Что они могли… – повторил он тихо. – Пожалуй, только то, что и сделали. В первые же дни в срочном порядке протянули заграждение вокруг резервации, наставили в округе предупреждающих плакатов, дали объявления через местные средства массовой информации. Транспортер сразу же установили, стали доставлять продукты. Да, что они еще могли сделать? Уж я-то прекрасно знаю, что здесь были бессильны любые средства. Если даже физическая природа Оболочки осталась тайной за семью печатями! Понимаете? Приборы ничего не зафиксировали: ни полей, ни излучений – о чем тут можно говорить? Кого здесь можно в чем-нибудь упрекнуть? А тем более, наша резервация была на тот момент далеко не первой, печальный опыт в этой области уже был. В том числе и в нашей стране. Результаты, как известно, повсюду нулевые. Конечно, первоначально понаехало и ученых, и журналистов, и разных чиновников. Даже военные прибыли. Пару недель ради приличия покрутились, поразводили руками, повыражали сочувствия, а потом все и поутихло. С голоду умереть, дескать, не дадим, а как жить – решать вам! Вот и стали решать, когда поняли, что глупо и бесполезно питать иллюзии. Позднее стали налаживать все наши, так сказать, здешние институты. Создавать наш собственный регламент жизни. Сами понимаете, без этого нельзя! Жить-то как-нибудь надо… Так постепенно и родились и эти жесткие медицинские правила, и регулярные сверки населения, и запрет на рождение детей и все остальные наши прелести… Сначала все это казалось дико, потом привыкли со временем. Вот и живем себе уже четыре года. Сначала дни считали, потом месяцы, а сейчас уже никто ничего не считает. Вот такие дела. Смирение и покой. Даже к жеребьевкам стали без дрожи относиться.

– Ну, хоть какие-то попытки истолковать это явление были? – спросил Сергей. – Все равно должны быть какие-то гипотезы!

– Вы имеете в виду точку зрения науки?

– Да не обязательно… Вообще… Кто-то ведь над этим думал!

– Конечно, конечно, – согласно закивал Ревич. – Над этим думало очень много людей. И ваш покорный слуга был в их числе. Только много ли толку от этих дум? Гипотез было величайшее множество. К сожалению, они так и остались гипотезами. Даже среди ученых и всех, кто занимался этой проблемой, не было единой точки зрения. Ее и быть не могло. Да и как она могла возникнуть при полнейшем отсутствии фактов, при отсутствии каких-либо материальных следов? Мы же потерпели абсолютное фиаско, Сережа! Мы наивно пытались понять то, что изначально нам не было дано понять. Мы просто долгое время стыдились в этом признаться и обманывали самих себя. Я говорю сейчас об официальных позициях, когда еще существовали наши правительственные комиссии. Если вы в то время следили за этим, то должны помнить… Разные тогда комиссии были. И по резервациям, и по цветным излучениям, и другие… Была раньше такая мода на комиссии, пока, наконец, не плюнули на все эти бесплодные попытки что-либо понять. Э-хе-хе… – Ревич сокрушенно покачал головой. – Поэтому не было и, видимо, не будет никакой официальной версии. А для себя каждый может сам придумать ту гипотезу, которая ему больше нравится. Если ему, конечно, от этого полегчает.

– А вы, Рудольф Анатольевич, – осторожно поинтересовался Сергей, – какую для себя выбрали гипотезу?

– Никакой, – вымолвил Ревич. – Мне они не нужны. Я же ученый, понимаете меня? Через мою голову по долгу службы прошло столько гипотез и мнений, что я стал относиться к ним спокойно. А потом, когда я понял, что мы окончательно зашли в глухой тупик, то вообще стал к ним равнодушен. Но это мое личное отношение. В резервации же очень по-разному воспринимают то, что происходит. Каждый решает для себя сам. И вам, Сережа, тоже придется самому выбрать, как относиться ко всему этому. Кто-то пытается привлечь для объяснения все мыслимые человеческие науки, кто-то религию, кто-то даже потусторонние силы… Кто-то вообще никак на этот счет не думает. Смирился, привык и живет себе потихоньку. Я вообще-то не люблю давать советы, но… Знаете, вы обязательно найдите себе тут друзей, обязательно!.. Иначе будет очень тяжело, поверьте мне. Или займитесь каким-нибудь делом. Найдите себе отдушину. Только не скатывайтесь в пьянство… А это здесь элементарно. Даже не заметите.

– Если не секрет, – спросил Сергей, – какую отдушину нашли вы?

– Ну что вы, – вздохнул Ревич. – Признаться, я мало общаюсь с людьми. Все больше с книгами. С ними, знаете ли, проще и лучше. Они мудрее. А кроме того, я пишу свою книгу. Ну, скажем так, пытаюсь. Историю нашей резервации. И предысторию тоже.

– Вот даже как… Интересно.

– Просто однажды я почувствовал, что обязан это сделать. Потому что, если это не сделаю я, то никто не сделает. Здесь же никому нет дела ни до чего, кроме самого себя. Ну, у чиновников из мэрии, кроме того, заботы, которые им по должности положены. И все… Я же не могу себе позволить, чтоб наша жизнь здесь с течением времени ушла в забвение. Я не верю, что потом это никому не будет интересно. Да, честно говоря, я не жду никакой благодарности за свой труд… Не мешают, и на том спасибо… – Он помолчал, а потом тихо добавил: – Вот моя отдушина, Сережа, и так или иначе она помогает мне. А больше мне ничего не нужно.

– Значит, со всем остальным вы смирились?

– Смирился, – сказал Ревич. – И давно. А что мне еще делать?.. Борьба – это уже не для меня. Да, и чем бороться? С ветряными мельницами?

– Скажите, а ваша семья далеко? – спросил Сергей и тут же пожалел.

Ревич посмотрел на Сергея, что-то изменилось в его лице, он заморгал и отвернулся к книжному стеллажу.

– Они все в Подмосковье… – хрипло произнес он. – И жена, и дети. Сын такой же, как вы. Антоном зовут. Внучка Настя, ей уже шесть лет… Младшая – Леночка, ей уже двадцать пять… Замуж вышла, пока я тут… Сына родила. А я его даже не видел. Внук… Вы понимаете? Не видел! Боже мой!..

Голос его задрожал. Он по-прежнему не поворачивался.

– Я Ольге столько раз говорил, чтоб не ездили сюда, – говорил он полушепотом. – Все равно приезжают. На сердце сразу становится так больно! Я их отговариваю, а сам все равно жду, жду… И больно, и без них еще хуже… – Он тяжело вздохнул всем телом. – Иногда я думаю, – вымолвил он, – вдруг когда-нибудь… Ну, вдруг!.. Вот в один прекрасный день Оболочка исчезнет, все кончится, а я не доживу… Понимаете, просто не доживу! Мне уже пятьдесят шесть лет. А сколько нам тут еще отпущено? Может быть, это навсегда. Представляете? Навсегда!..

– Ну, что вы, Рудольф Анатольевич… – смущенно пробормотал Сергей. Ему стало страшно неловко оттого, что он завел разговор в такое русло. – Вдруг вам повезет, вдруг этот жребий…

– Мне никогда не везло ни в каких лотереях, – Ревич повернулся к Сергею с поджатыми губами. Глаза его были влажными.

– Мне тоже, – проронил Сергей.

Настроение Ревича заметно упало. Библиотекарь сидел, понуро откинувшись в кресле и слегка прикрыв глаза. Сергею показалось неуместным спрашивать сейчас его о чем-нибудь еще, и он встал.

– Рудольф Анатольевич, спасибо, что уделили мне время, – проговорил Сергей. – Я пойду.

– Да вы не обращайте на меня внимания, – немного оживился Ревич. – Вы же, наверняка, узнали не все, что хотели. Вы спрашивайте, ради бога!

– Нет, нет, я пойду, – торопливо сказал Сергей. – Еще раз спасибо. Я обязательно еще зайду потом. Сейчас мне надо идти.

– А вы заходите ко мне домой, – с готовностью предложил Ревич. – Я вам покажу свою рукопись, если вам это интересно. Чаю попьем. Нет, правда, заходите! Вечерами и по выходным… Я буду только рад. Да и у вас еще будут вопросы, я по себе знаю. Я живу в четырнадцатиэтажке, в шестьдесят первой квартире на восьмом этаже. Запомните?

– Хорошо, я запомнил. Непременно зайду, – пообещал Сергей. – До свидания.

– Спасибо, что зашли, Сережа, – сказал Ревич. – Приятно было познакомиться и поговорить.

Сергей вышел из прохода между книжными стеллажами. Библиотекарь неподвижно сидел в своем кожаном кресле, и взгляд у него был печальный и потухший.

Налет грусти остался в душе Сергея после этого разговора. И зачем я только спросил его о семье, подумал он невесело. Выбил, наверное, человека из колеи на весь день.

Ему предстояло посещение больницы. Сергей справедливо рассудил, что больница не рухнет, если он сначала зайдет домой и примет душ, и с тем решением направился на свою новоиспеченную квартиру.

Дома он обнаружил, что напрочь отсутствует горячая вода. Кран глухо ворчал и дрожал, а затем немного сплюнул в ванну и успокоился. Понадеявшись, что это, все-таки, не происки резервации и что вода, может быть, вот-вот появится, Сергей протопал в свою комнату и бухнулся на раскладушку. Спать не хотелось совершенно. Он полежал несколько минут, прокручивая в голове то, что удалось узнать за сегодняшнее утро. Потом встал и подошел к окну.

В некотором отдалении от дома, перед самой железной дорогой простиралась длинная узкая гряда картофельных участков. За путями высился все тот же бесконечный лес. И мне придется наблюдать этот пейзаж неизвестно сколько лет, мелькнула мысль. Или десятилетий? Нет, нет, об этом лучше не думать! Он даже встряхнул головой, чтоб прогнать эту мысль. Тут взгляд его упал на черную тетрадь, которую Галушко вчера положил на подоконник. Что он там такого про нее наговорил-то? Какая-то робинзонада, да и только… Сергей хмыкнул, взял тетрадь и пролистал. Первые несколько страниц содержали какие-то непонятные рисунки, схемы,

столбцы цифр. Затем с чистого листа начиналась рукопись. Почерк был мелкий, убористый, но достаточно понятный. В некоторых местах страницы оказались слегка подпорчены влагой. Почитать, что ли, подумал он. Черт с ней, с этой водой и с этим медосмотром! Завтра схожу.

С тетрадью в руках он снова повалился на раскладушку, нашел начало рукописи и стал читать.

«Я, Манаев Иван Константинович, командир экипажа грузового вертолета МИ-8, бортовой номер НА-32275, сегодня 20 мая 199… года, семнадцать часов пятнадцать минут. Я решил, насколько это у меня получится, описать в этой тетради все, что произошло с нами, начиная со вчерашнего дня. Буду записывать в перерывах на отдых, пока есть силы. Я все время таскал в своей сумке эту тетрадь. Просто привычка иметь запас бумаги на всякий случай. Теперь вот пригодилась. Если мне не суждено будет выбраться из этого злополучного леса и болот то, может, хоть мои записи когда-нибудь попадут к людям. Я понимаю, что шансов на это практически нет, но все равно… Вдруг повезет. Буду надеяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.